

АЛЕКСАНДР
АФАНАСЬЕВ

ВРЕМЯ НАШЕЙ БЕДЫ

Александр Николаевич Афанасьев
Время нашей беды
Серия «Враг у ворот.
Фантастика ближнего боя»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17100248*

*Время нашей беды: Эксмо; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-91218-6*

Аннотация

Эта книга – о нашем ближайшем будущем. О будущем, которое, хочется надеяться, никогда не наступит, но выглядит до ужаса реальным. О России, в которой случился свой Майдан и под аплодисменты «общечеловеков» к власти пришли настоящие демократы, для которых слово «патриотизм» – пустой звук. А против них поднялись те, для кого этот звук вовсе не пустой. Итак, Россия, год 2017...

Содержание

Пермь, Россия	7
Москва, Россия	16
Уральск, Россия	35
Москва, Россия	39
Уральск, Россия	55
Уральск, Россия	63
Уральск, Россия	85
Пригород Уральска, Россия	95
Уральск, Россия	114
Уральск – Москва, Россия	120
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Александр Афанасьев

Время нашей беды

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Афанасьев А., 2016

© ООО «Издательство „Эксмо“», 2016

* * *

Волчий вой да лай собак,
Крепко до боли сжатый кулак,
Птицей стучится в жилах кровь,
Вера да надежда, любовь.
«За!» – голосуют тысячи рук,
И высок наш флаг.

Синее небо да солнца круг,
Все на месте, да что-то не так.
В небе над нами горит звезда,
Некому, кроме нее, нам помочь,
В темную, темную, темную
Ночь...

Группа «Кино». «Волчий вой да лай собак»

О чем эта книга...

Эта книга (точнее, серия книг о разных гранях одной и той же проблемы) задумывалась и пишется мной как произведение очень объемное по смыслам и охвату, я бы даже сказал – всеобъемлющее. Толчком к написанию этого послужил Евромайдан. И последовавшие за ним события – мирная, даже сонная, страна всего за полгода скатилась в гражданскую войну. В такую гражданскую войну, в которой не просматривается даже сколь-либо мизерный шанс на примирение. Многие думают, что в России такое невозможно. Увы, возможно, и я хочу показать, как именно это может произойти...

Как-то раз я слышал такое выражение от старого картежника: садясь за стол играть, ты должен за десять минут определить, за чей счет идет игра. Если ты этого сделать не можешь – значит, она идет за твой счет. Здесь, в этой книге, я хочу показать и рассказать, как делаются майданы и как можно в очередной раз развалить страну, даже не спросив об этом ее граждан. Помните, как в 1991-м на референду-

ме более семидесяти процентов голосовавших высказались за сохранение СССР – и где теперь СССР? Я хочу показать механизмы запуска центробежных сил в стране. Я хочу показать, как ослабление управленческой вертикали перерастает в полномасштабный политический кризис. Я хочу показать, откуда берутся изменники Родины, предатели и убийцы, чем они руководствуются, как появляются люди, сознательно работающие на обострение обстановки в стране. Я хочу показать, как политический и экономический кризис уходит вглубь и начинает разъедать социальные связи как кислота. Я хочу показать, как, руководствуясь благими намерениями, желая изменить что-то к лучшему, люди открывают врата ада.

Люди! Не голосуйте сердцем, сохраняйте здоровый рассудок. Цените то, что есть, и не ищите врагов друг в друге, кто бы какой национальности, религии или политических взглядов ни был! Не ведитесь на громкие лозунги! И будьте бдительны.

Автор предупреждает, что все события и персонажи в книге вымышлены и не имеют прототипов в реальной жизни. Совпадения имен и названий – случайны.

Приятного чтения...

Пермь, Россия Аэропорт Большое Савино Февраль 2017 года

*Слезы капаят в чай,
Но чай нам горек без слез...*

Группа «Наutilus Помпилиус»

С чего все началось...

Знаете, герой фильма «Солнечный удар», снятого Никитой Михалковым, тоже задавал себе этот вопрос. Задавал, сидя в лагере для пленных русских офицеров, – он ожидал отправки за границу и не знал, что большевики приготовили ему и остальным тысячам русских офицеров, сидящих в лагере, нечто иное...

С чего все началось...

Начну с первого яркого воспоминания, когда я понял, что жизнь выбивается из привычной колеи. Было это два года назад, летом...

В одном из городов России, не большом и не маленьком, за тысячи километров от зоны боевых действий, украинская беженка просила милостыню.

У нее был плакатик и какие-то документы на нее и на ее

больного ребенка, документы украинские. Мешая русские и украинские слова, она рассказывала, как ФМС не дает ей гражданство. Русские фашисты, ватаны и запутинцы, кто отворачивался, кто лез в карман за бумажником. Последних было ощутимо больше, чем первых, — люди часто с подозрением относятся к нищим, мол, на бутылку не хватает. Но тут давали многие, понимая, что действительно — надо.

Я тоже остановился. Положил деньги, пошел дальше, стараясь стереть это из памяти... и вдруг услышал, что она нам желает. Не здоровья, как обычно желают нищие. Солнышка она нам желала (сонечка, как она говорила) и мирного неба над головой...

В тот момент я понял... нутром ощутил — что будет беда...

А год назад у меня было застолье... мы сидели, несколько человек... просто сидели за столом. В моей новой квартире я собрал стол по какому-то поводу. Ни о какой политике речи не было, но намечались выборы в Думу... Речь зашла о том, кто за кого будет голосовать... просто кто-то кого-то спросил, и начали обсуждать. Дошло до меня, голосовать я намеревался за «Единую Россию», и тут... когда мне надо было отвечать, я вдруг понял, что не могу ответить прямо и спокойно на этот вопрос. На автомате отшутился — мол, не решил еще — и потом поймал себя на мысли, что что-то не то.

Почему — не то? Да потому, что мой выбор — это мой, блин... выбор, и я как хочу, так и голосую. Считаю необхо-

димым голосовать за «Единую Россию» – так и голосую за нее, а почему сказать-то об этом не могу? Почему я на подсознании посчитал, что говорить об этом нельзя, чтобы не разрушить атмосферу за столом?

В конце концов, почему за оппозиционные партии голосовать – нормально, и говорить об этом – нормально, а за партию власти – голосовать нельзя? Или можно, но впотак? Это речь о «Единой России» – или в принципе в России власть поддерживать стыдно, а быть в оппозиции – наоборот, почетно? Это нормально? Нет, это ненормально. А что делать, если оппозиционная партия победит на выборах и станет властью? За нее тоже станет голосовать постыдно – сразу или через какое-то время?

А как тогда вообще должна сменяться власть? И как она должна взаимодействовать с народом, если народ, по крайней мере думающая его часть, – априори в оппозиции ко всему, что предложит власть? Почему у нас нет нормальной общественной дискуссии относительно тех или иных шагов и действий – а есть какая-то подростковая непокоря? Как будто в нас гормоны играют и мы воспринимаем в штыки все, что говорят нам родители.

Это нормально, нет?

Что касается меня самого, то я обычный человек. В США я был бы WASP, белый англосаксонский протестант, основа общества. Я не англосакс, обычный русский. Православный, точнее, крещеный – в церковь почти не хожу, но в Бо-

га верю и стараюсь жить по десяти заповедям. Работаю, занимаюсь делами – частный предприниматель. Собственник – есть и квартира, и машина, и загородный дом... в общем, не бедный и не богатый. Любитель оружия – стрелять умею неплохо, и оружия у меня дома в достатке и неплохого. Пишу книги... это мое хобби, которое превратилось в нечто большее... сам не знаю во что.

Семьи у меня пока нет. Отношения есть, а семья не складывается. Сам не знаю почему. Возможно, потому что я самовлюбленный идиот и эгоцентрист. Возможно, потому что я помню девчонку, с которой встречался еще в пору моей юности, и с тех пор всех остальных сравниваю с ней. И сравнение они проигрывают...

В общем, в тот день у меня были дела в Перми, а потом мне надо было в Москву лететь. Я примерно прикинул: махану в Пермь на машине, потом оставлю ее у друга на стоянке, рядом с его машиной, махну в Москву самолетом, потом самолетом же и вернусь в Пермь. Машину я недавно обновил по случаю – «Мерседес» G-класса, но ему десять лет, так что взял недорого. А машина крепкая, лет пять-семь точно отъездит, ничего не сделается...

Про то, что делается в стране, я... знал, конечно, а кто не знает. Напряженка, конечно, была – все относительно выравнилось, но не до конца. Цена на нефть колебалась в пределах семидесяти-девяноста долларов, постепенно выходя к верхнему пределу. Дело было в том, что американцы со сво-

ей технологией сланцевой нефти – как только цены проходили семьдесят пять-восемьдесят – начинали бурить, качать и обваливали рынок. Вся суть сланцевой технологии заключалась в ее гибкости – это не фонтанирующая скважина, которую не заткнешь, не погубив. Цены растут – буришь и качаешь. Цены падают – высасываешь то, что есть, и дальше не буришь. Я интересуюсь этими технологиями, говорил со специалистами – они говорили, что сланец в смысле запасов – это бомба замедленного действия, потому что исчерпывается месторождение очень быстро и где-то в первой половине двадцатых годов стоит ждать обвального падения сланцевой добычи в США и такого же резкого роста цен на нефть. Но это ожидалось в двадцатые, а жить надо было прямо сейчас.

В общем-то, этот уровень цен позволял нам существовать весьма сносно, не как в тучные годы, конечно, но сносно. Тем более что за последний год цена ниже восьмидесяти пяти не ходила, говорили, что это преддверие прорыва уровня девяносто и выхода на сто пятнадцать – сто двадцать. Но своих проблем добавляли санкции. В Украине – тлела война. Заключенное в Минске перемирие действовало, прерываясь взрывами и перестрелками по всему юго-востоку Украины. Нас обвиняли в поддержке терроризма, и, в общем-то, правильно обвиняли, но нам ничего другого не оставалось. Были, конечно, и трезвые головы, говорившие, что Украина – это капкан, в который попала вся Европа, и добром это не

кончится... но их голос тонул в гвалте политологов, военных, журналистов и прочая, прочая, прочая. Не думаю, что в Европе все были настроены против России – но медийное пространство было против нас почти полностью.

Что же касается нашего внутреннего пространства – недовольство было. А как ему не быть, когда приходится затянуть пояса. Тем не менее – какого-то краха, обвала не было, рубль стабилизировался в районе пятидесяти пяти за доллар, смотрел ниже. Экономика работала. Постепенно росли зарплаты. Но вот недовольство все-таки было, и базировалось оно на кем-то вброшенной мысли, что корень наших проблем – в теперешней власти. Точнее, даже не в теперешней власти, а в ее конкретных персонажах, которые вызывают у Запада аллергию одним своим видом. Убрать их – и дело пойдет на лад. Договоримся с Европой, снимут санкции, будет все как раньше...

Я-то понимал, что как раньше уже не будет. И другие – у кого голова на плечах – это понимали. Шито-крыто – не сделаешь, трупов слишком много. А с другой стороны, убитые, попавшие в застенки, запытанные, расстрелянные люди, которые дрались и умирали за право быть самими собой – русскими! Такое тоже не прощается...

Нет, назад не отвертеть. Мы убивали друг друга. Нас теперь боятся, мы подтвердили самые худшие из опасений. Мы продолжаем сражаться – взрывы гремят по всей Украине. Мы ничуть не изменились, мы какими были, такими и оста-

лись, все это понимают. Санкции на нас не подействовали, из санкций осталось только одно – прекратить покупать у нас нефть и газ, при этом цена разом взлетит до ста пятидесяти, у нас вот-вот вступит в строй газопровод в Китай, а Европа – уйдет на дно, в рецессию. Мы сами вычеркнули из списка все возможные решения проблемы, кроме большой войны.

Что касается меня лично, то деньги я, конечно, посылал. Но не более. Донбасс и его дело поддерживал – но ехать туда как-то в голову не приходило. У меня тут свои дела – хотя я лично знал тех, кто поехал...

Прошли выборы. Сюрпризом которых стали даже не результаты партии власти, а провал объединенной оппозиции, на которую открыто делали ставки и Запад, и многие люди в Москве. Их процент – меньше десяти – был насмешкой, совершенно несоразмерным тем деньгам, которые в них были вложены, и тем медийным персонам, которые были под это дело подписаны. Было понятно, что хоть в Думу они проходят, никакого реального веса они там иметь не будут. Также стало ясно, что выборы президента они проиграют вне зависимости от того, кого они выставят единым кандидатом (если договорятся до единого). При поддержке менее десяти процентов – рассчитывать не на что.

Тогда в столице начался Майдан.

Это, конечно, не называлось Майданом, это называлось «Евроманежкой» и, конечно же, было направлено против фальсификации результатов выборов. Говорить о фальсифи-

кациях было смешно... сколько им там скинули? Два, три процента – ну, даже пять. И что? Все равно – что с двумя, что с тремя, что с пятью ничего не изменится – выборы они проиграли. Майдан – тоже был не такой, как в Киеве, – довольно мирный, власти Москвы почему-то отнеслись к нему лояльно... возможно, потому что опасности не видели. Рядом, на Красной, шумел Антимайдан, часть, конечно, собрали по разнарядке, но часть горожан пришла сама. Между Манежкой и Антимайданом были сплошные цепи ОМОНа и Нацгвардии. Больше всего – власти опасались не Манежки, а столкновения Манежки и Антимайдана. Драки в городе, судя по сообщениям с Интернета, происходили регулярно, но ничего серьезного...

На этом фоне я приехал в Пермь, порешал свои дела, сходил, посмотрел помещение, которое было нужно, – потом мы с другом на моей машине поехали в аэропорт. Он отгонит ее обратно и поставит, я на него доверенность оформил.

И вот сижу я в аэропорту, жду задерживающегося рейса – и вдруг на телеэкране экстренный выпуск новостей. Народ начал к экранам подтягиваться, я следом.

Драка в Химках, массовая, по-видимому, между сторонниками и противниками Майдана, переросшая в массовые беспорядки. Пока ничего не известно, но, по неофициальным данным, несколько погибших...

Приехали...

Драки были и до этого – но до той поры все ограничи-

валось драками между националистами и приезжими. И погибших не было...

Пошли другие новости... стали расходиться по местам, но впечатление осталось... скверное. Тут объявили посадку, и я пошел на выход...

Москва, Россия

20 февраля 2017 года

Самолет из Перми садился в Шереметьево – один. Было вьюжно, снежно... нехорошо, короче. Но мне не привыкать...

Вещей со мной было немного, пошел искать такси. На аэроэкспрессе дешевле – но мне прямо в город надо, и сегодня же я уеду обратно. Надо деньги передать и документы забрать – все...

Контора, где работал мой друг Вадик, располагалась недалеко от Арбата, там еще представительство афганской авиакомпании «Ариана» рядом. Секретарем у него работала красивая девочка Анечка, родом из Киева, под которую я привычно, на автомате так, подбивал клинья. Пока ни на что не рассчитывая – на что рассчитывать, если я в Москве одна нога тут – другая там. Но если девушке купить красивый букет и сделать пару комплиментов – от меня не убудет. А потом – может, и пригодится...

Назвал таксисту адрес. В машине – обычной «Дэу» – было тепло, на салонном зеркале заднего вида висела георгиевская ленточка. Уже в аэропорту я почувствовал неладное... какое-то напряжение, разлитое в воздухе...

– Что у вас тут, спокойно? – обратился я к водителю.

– Да ни фиги не спокойно!

Водитель остро глянул на меня через зеркальце, видимо, решил, что я заслуживаю доверия. На неполживого не похож, это верно.

– П...ры эти бесятся, дороги перекрывают. Блин, прибить бы их, и дело с концом.

Водила еще раз глянул на меня.

– А ты – че?

– Я – по делам...

Машину я отпустил на Арбате. Пройдусь пешком...

Вышел... температура где-то три-пять градусов минус, для Москвы это нормально зимой, это у нас на Урале – оттепель. Народ идет... вроде все нормально, но в то же время – ненормально. Огромные глыбы грязного снега... его что – не вывозят? Раньше – вывозили. Народ тоже... видно, что на взводе.

Оп-па...

Вон там какой-то торговый объект – витрины фанерой заделаны. Значит, стекла били. Это еще хуже.

Заметил цветочный киоск, свернул. Власти Москвы, идиоты, одно время боролись с уличной торговлей, так цветов не купить было. Чего там цветы – в пылу начальственного рвения начали закрывать точки фаст-фуда. Сейчас кое-что снова начали открывать... но ломать – не строить. Придурки конченые.

– Вот этот. Сколько?

– Семьсот.

Я протянул тысячу.

– Не надо сдачи...

– Спасибо... дай бог здоровья...

Старушка, торгующая цветами, перекрестила меня. Может, это и помогло...

Вадик снимал офис в одном институте... который уже давно основной доход получал от сдачи площадей в аренду. Привычно прошел вахтера – меня тут уже знали, точка прикормленная, – постучался в дверь без таблички. Кому надо, тот знает...

– Анют...

– Ой, Александр Иванович...

Смущается. Мило.

– Какой я тебе Александр Иванович, Анют. Держи.

– Спасибо...

Анюта засуетилась, а я начал высматривать моего старого друга... мы из одного города, в одном дворе росли. Потом вместе перебрались в Москву, но я так и вернулся в родной город, а он тут остался.

Почему я не прижился в Москве? Кто я тут? Никто, муравей, таракашка. Это в своем городе, не самом малом, кстати, я – величина. А тут – я никого не знаю, меня никто не знает. Это первое. Второе – я примерно прикинул, что хоть доходы

тут и больше, но все это сжирается расходами... плюс гемор с пробками, в которых стоишь иногда часами... писать здесь тоже плохо получается. Короче говоря, я решил, что на фиг мне все это надо, – и вернулся обратно. Не знаю насколько, но пока обратно не тянет, только по делам езжу. Не приняла меня Москва. И я ее – не принял.

– Ань, а Вадик где?

Судя по смущению, я заподозрил недоброе.

– Александр Иванович, он... на Манежке...

Сказать, что я о... был сильно удивлен – это значит ничего не сказать. Вадик – на Манежке. Это – триндец.

Он ведь мне не просто друг. Мы – уральские. В одном дворе росли. По одним улицам гоняли. По одним стройкам лазали. За один двор дрались. Помню, со стройки натырили утеплителя – белого, это называлось «колбаса», арматуры и сделали шпаги. «Три мушкетера» посмотрели – и ну на шпагах фехтовать. Выбить такой глаз – запросто. Но что-то не выбили. И в армии мы почти что вместе были, и потом друг друга держались. Представить, что Вадос на этой Манежке, я не мог.

Поверить не могу.

– Ань, ты серьезно? Я же с ним созванивался.

– Он иногда появляется. Вам он документы оставил, вот.

Я открыл пакет, проверил – все нормально, все в порядке. Если не считать того, что у моего дружбана с головой не в порядке.

– А деньги?

– Ой, а он не говорил.

Достал телефон, набрал номер. И я, и Вадос к телефонам относимся с недоверием, но тут другая тема. Ответил он мне сразу, фоном – знакомый шум толпы и какие-то крики в мегафон. Зашибись.

– Вадос...

– Сань, привет.

– Ты где?

– На площади! Ты прилетел?

– Ага.

– Документы заberi, я у Ани оставил.

– Все, забрал уже. Вадос, а бабки – кому?

– Ну, оставь в конторе...

Нет, он точно двинулся.

– Вадос, ты в уме?

Друг мой помолчал несколько секунд. Фоном – все тот же шум и крики. Они что там – все ипанулись совсем?

– Ладно, подгребай. Посидим, поговорим.

– Где – посидим?

– Доберешься, звякни. Я тебя найду.

Обрыв линии. Стараясь собрать мысли в кучу, я отключил телефон. Здорово. Просто здорово...

– Ань. Тут у вас что вообще происходит, а? Тут все здоровые?

И тут... Анька внезапно и навзрыд заплакала...

Заварить чай – для меня не проблема. В конце концов, один живу.

Бросил в две кружки по два пакетика «Липтона», заварил кипятком. Поставил на поднос... подождем, пока остынет. Анька плакала.

– Анна... ты чего?

– Александр Иванович... я боюсь.

– Ну чего ты...

Я подсел рядом, обнял ее – и она прижалась ко мне. Так мы и сидели... не знаю сколько, чай остыл почти. Никто не заходил... к Вадосу лишние люди не ходят.

– Ань... пей чай и успокойся. Ну, чего ты? Чего ты так испугалась?

– Страшно...

– Чего – страшно?

– У нас тоже... так начиналось...

Здорово. Я отпил чай... действительно, остыл.

– Ань. С Вадосом что вообще делается? Он что – того?

– Не знаю. Вадим Сергеевич, он какой-то не такой стал. Ходил, в метро листовки раздавал. Говорил, что скоро все изменится, лучше будет. У нас... тоже так говорили...

Анька – из семьи беженцев. Уехали из Киева, буквально с тем, что успели похватать. Правосеки положили глаз на квартиру, отца отвезли к нотариусу, зверски избили. Отец, кстати, профессор. Почему именно на эту квартиру? Да ни-

почему! Дело для Киева обычное, насилие там правит бал. До последнего времени Киев был городом русскоязычным, а теперь... не знаю, что там.

– Он вообще на работу ходит?

– Как началось... не появляется почти. Только иногда приходит...

Здорово. Вадос, кстати, тут женился, супруга – дочь очень высокого человека. Поэтому я, кстати, не сомневаюсь, что у Вадоса с Анькой ничего нет. Да и было бы, он бы мне сказал уже... мы, считай, как братья – тем более что ни у того, ни у другого родных братьев нет.

– Так, Ань. Ты держись... а я ему мозги сейчас на место вставлю.

Понимая, что девчонка одна в огромной и явно на грани чего-то нехорошего Москве, я достал визитку, черкнул все номера телефонов и почту, в том числе левый ящик, адрес которого знали очень немногие.

– Вот. Звони, если что. Деньги есть?

– Да... Вадим Сергеевич зарплату выдал.

– Ну, тогда держись. Тут пропускная система, ничего не будет...

– Ой, подождите. Я вам свой телефон дам...

Мда... Так я еще телефончик у девушки не получал.

Спустился в метро. То же самое – ощущение какого-то напряжения, есть полиция. Но не видно, что документы прове-

ряют. У многих на верхней одежде прикреплены ленточки. В них я разобрался быстро: у тех, кто в оппозиции, – в цвет флага, бело-сине-красный, у тех, кто против, – георгиевская ленточка. Умно, гады, умно. Один в один украинский вариант: когда мятежники поют гимн своей страны, потом громят, а потом опять поют – они кто? Сразу и не разберешься, то ли патриоты, то ли преступники. И как быть с теми, кто идет под флагом своей страны, – тоже непонятно. Этакая... подмена понятий.

В вагоне метро напряг ощущается еще явственнее. Людей с флагами и георгиевскими ленточками примерно поровну, и они стараются не смотреть друг на друга, не задевать друг друга и так далее. Вежливость какая-то подчеркнутая – чувствуется, что один инцидент – и понеслась душа в рай. Мне было от этого не по себе, как в клетку с тиграми попал. На войне я бывал, но на войне дело привычное... есть враг, есть оружие. А тут – что делать?

Там Окуджава нам тихонечко поет:
«Охотный Ряд, Охотный Ряд»...

Вышел – аж на «Китай-городе», предположив, что «Охотный Ряд», «Театральная», «Площадь Революции» могут быть перекрыты. «Китай-город» был открыт, но, выйдя на улицу, я просто ошалел от количества ОМОНа и Нацгвардии. Там рядом – Старая площадь, на Старой площади я то-

же бывал, там всегда дежурили одна-две машины ГИБДД. Сейчас – не протиснуться от ОМОНа, НГ, стоят серые, в милицейских цветах «покемоны»¹ Движение – в час по чайной ложке.

Шум мегафонов доносится и сюда, создавая тяжелую, нервную атмосферу.

Пошел прочь, смотря себе под ноги, закрылся, короче, так я менее заметен. На ходу набрал номер.

– Вадос?

– Ага. Ты где?

– На «Китай-городе» вышел. Тут пипец. Дальше – куда?

Вадос рассмеялся.

– Не ходи никуда. Я сейчас подскочу.

Голос веселый. А вот мне почему-то невесело. И дело не в бабках, которые при мне, и не в документах. А в том, что я не узнаю Вадоса...

Вадос появился через полчаса – веселый, в красной куртке-дутике. Появился быстро – непохоже, что Евроманежка заблокирована наглухо. Я как раз нашел место в кафушке на первом этаже, заказал кофе. Кафушка была в обычном для Москвы старом доме, четыре, кажется, этажа – наполовину под землей. Полуподвальный этаж, как говорят...

– Салам! – весело воскликнул он, присаживаясь за стол. –

¹ Сленговое название бронированных «Уралов». Это самые первые варианты бронирования, применявшиеся еще в Чечне.

Ты как?

Я молча смотрел на него. У него было покрасневшее от мороза лицо и веселые, совсем не подходящие к ситуации глаза. Ему уже несли кофе, даже без заказа...

– Нормально. А ты?

Вадос засмеялся, хлебнул кофе.

– Супер, Сань, супер...

Он меня никогда так не называл. И этот тон... какой-то насмешливо-покровительственный, что ли?

– Не вижу, чтобы супер было.

– Чего это? Ты мусоров боишься, что ли?

И Вадим захохотал.

– Чего смешного?

Мне вдруг показалось, что он под какой-то дурью. Неадекватное поведение.

– Вадос... ты в себе?

– В себе, Сань, в себе...

Вадос наклонился вперед.

– Очень даже в себе, Саш, – ответил он обычным своим голосом, – ты думаешь, я во все это верю, что ли?

– А что – нет?

– Да ни фиги...

Вадос понизил голос.

– Врубайся, брат. Сколько лет Пу у власти?

– И что с того?

– А с того, что все уже решено. Пу уходит.

– Это ты с чего взял?

– С того. Я все-таки тут вращаюсь...

Глаза Вадоса блеснули...

– Вопрос уже решен. Без этого никак. Знаешь, какие люди в это вписались? И Дымов со Сбера, и...

Вадос назвал еще несколько имен. Все – первой величины. Он что – чокнутый?!

– Вадос. А то, что Дымов вписался, – это ты от него узнал? Или тебе по секрету всему свету шепнули?

– Тема верная...

– Ты видел, сколько оппозиция на выборах получила? Ты за что стоишь?

– Да пофиг на оппов. Дело реальное, с ЕС договорились. Амеры не знают, но им ничего не остается. А Европе – вместе с нами жить, они понимают...

– Вадос, въезжай! Какая Европа?!

– Сань. Иногда надо рискнуть. Не один я рискую. Мне сказали – верняк. Я на Манежке – не последний человек в Самообороне сейчас. Ты видел, как в Киеве все провернули? Кто был никем, тот станет всем. В один день причем. Люди за сутки полканами становились, генералами – а то и министрами. Мне уже в ментовке знаешь какой пост пообещали?

Мне хотелось двинуть моего старого друга в морду. Или встряхнуть и заорать: «Ты чего несешь, е...! Какая ментовка, какая самооборона?! Ты охренел совсем, какая, в дупу, ментовка?» Но вместо этого я сказал:

– Вадос, ты себя услышь, друг. Ты чего несешь? На Украине гражданская война началась!

– Это потому что они мудаки были. У них свои терки с донецкими там... вот и началось. У нас такого не будет... ну с кем нам тереть? А дело верное, кто сейчас рискнет, тот в дамках будет. Сечешь?

Я понял – бесполезно.

– Вадос, ты дурак. Осел безмозглый, ты себя слышишь?

– Я, кстати, с украми говорил, у нас они тоже есть. Им тоже это на фиг не надо... надоело все. Они мира хотят. Ты тоже, если хочешь... у меня голос есть, сразу десятником поставлю, потом сотником станешь...

Я встал.

– Мудак. – Припечатал.

Вадос криво усмехнулся.

– Как знаешь. Мое дело – предложить...

– Слушать не хочу. Деньги забери...

И в этот момент на улице раздались приглушенные хлопки... в которых я опознал выстрелы...

Как звучат выстрелы, я хорошо знал...

У каждого человека должно быть хобби, и я обзавелся таковым. Сначала мое хобби было писать книги, начал с небольшого рассказа, потом пошло... пошло... и так стало второй профессией. Вторым хобби была стрельба, у меня в доме стояло аж три сейфа, и все они были полны. Стрелял я

много, нередко тратя большие деньги на прицел Eotech или пятидиапазонный лазер от «Зенита». Ну и сами стволы были... приличными, большая часть собрана по заказу или отлажена в оружейной мастерской.

Что так стреляет – я знал. Двенадцатый «Вепрь» или «Сайга» с подавителем. Законодательство оружейное у нас не совсем умное, и такую вещь, как штурмовой «Вепрь-12» с коротким стволом, можно купить сразу, пройдя довольно несложные процедуры, а вот однозарядную винтовку двадцать второго калибра надо ждать три года. И то дело, раньше ждали пять. Купил на черном рынке подавитель и барабан на двадцать пять патронов – и вот у вас в руках оружие, на ближней дистанции опаснее автомата и, в отличие от нарезки, неидентифицируемое. То есть привязать картечь и даже пулю к гладкостволу – сложно, а картечь почти невозможно. Подавители были сейчас у многих вепреводков, они проходили как ДТК – дульные тормоза – компенсаторы. И вот именно их я и услышал.

Бросил взгляд назад... не видно, где выход. Если какой-то козел сюда заскочит – то всех нас положит.

И тут Вадос, матерясь и опрокинув чей-то стол, ринулся на выход. Совсем с дуба рухнул, блин...

– Вадос!

Бросил сумку на плечо, ломанулся за ним.

– Вадос, стой!

Да тут что – все с ума посходили?..

Вадос выскочил первым, я следом. Увидел, как мимо идет старая белая «Нива» с поднятой вверх дверью багажника... из нее и стреляли. Впереди, там, где стояли вованы на защите Старой площади, было какое-то движение, неуклюже разворачивался «покемон».

– Вадос, стоять!

Вадим будто не слышал меня – развернулся в сторону уходящей «Нивы», и тут, в оглушительной (или мне кажется) тишине, он с размаху упал на брусчатку... звук был такой, как будто бы упал большой мешок...

– Вадос, блин!

Я в этот момент находился на ступенях, ведущих вниз, в полуподвальное кафе, – меня почти не было видно, ни внучкам², ни с той стороны, куда ушла «Нива». Вадос был рядом, я схватил его за ногу и затащил внутрь, на ступеньки. С первого взгляда понял – худо дело. Попытался зажать рану... куда там. Пульса уже почти не было, у меня все руки были в крови...

Вадос, Вадос...

В чем я был сто пудов уверен – стреляли не из гладкого. АКМ, СКС, а скорее всего – СВД. Я все-таки охочусь, видел раны и от нарезки, и от гладкого.

Вадос, блин...

Внучки были совсем рядом – они бежали по круто ухо-

² Внучки, вованы – внутренние войска. Так по старой памяти называли бойцов Нацгвардии. Оппозиция называла «гадами».

дядей вверх улице – и на моих глазах так же упал с размаху сначала один, потом – другой. Полетела, покатила вниз разбитая каска, я видел кровавое облачко там, где только что была голова. Ревя мотором, пер по улице бронированный «покемон».

Снайпер, сволочь.

Ломанулся назад. какая-то телка, увидев меня, страшно, почти на ультразвуке завизжала.

Самому хреново...

Схватил официантку, заорал в лицо:

– Где выход?! Убью!

В сумке, которую я нес Вадосу, было двести штук. Двести тысяч долларов наличными. Плата за кое-какие услуги...

Руки я вымыл, как смог, в грязном снегу, перед этим пробежав сколько-то. Даже тут были слышны отдаленные хлопки... то ли фейерверки, то ли выстрелы.

Так, спокойно.

На руках оставалась какая-то розовая слизь, я никак не мог ее смыть. Грязный, со льдинками снег мерзко царапал руки. В принципе меня можно было брать сразу, что первый ментовский патруль и сделает...

Достал из сумки чистый листок бумаги... я всегда носил несколько. Вытерся, как смог... достал еще один.

Успокойся...

В супермаркете – первой попавшейся на пути «Пятерочке» – купил большую бутылку воды, батон белого хлеба, упаковку салфеток и три дой-пака с жирным майонезом. Когда расплачивался, кассирша на меня не обратила никакого внимания... и то хорошо. Сумку с двумястами тысячами долларов я оставил в ячейке, но ее никто не спер.

Поймал себя на мысли, что у мясной витрины меня стало подташнивать...

Когда выходил – осколком стекла по нервам резанул вой сирен. По дороге пронеслись одна за другой несколько «Скорых» с включенными мигалками и сиренами, они направлялись в центр города...

В одном из дворов я привел себя в порядок, используя салфетки и часть воды, после чего откусил хлеба и затолкал в себя полпакета жирного майонеза. В горах, во время выходов, люди целыми днями питаются этим майонезом. Тошнило, но я держал себя в руках.

Что, блин, теперь делать?

Интересно, авиарейсы отменены или нет? Понятно, что начался майдан – по-настоящему начался. Вадоса убил снайпер, не пуля одного из внучков – он стоял лицом к уходящей машине и... да чего там – я сам видел, как застрелили двоих бойцов Нацгвардии... это не шутки. Я сильно сомневаюсь, что наша власть такая же размазня, как Янык, и, значит, будет большая кровь. И кровь – спровоцированная.

Твари... какие все-таки твари... гниды конченные. И как только Вадос с ними связался. У него что, мозги отшибло... должность ему предложили в МВД...

Второй вариант – на вокзал. Тут относительно недалеко, можно пехом дойти, на Ярославский. Я дорогу знаю.

Решил все-таки в аэропорт. Хрен с ним, поймаю такси – и...

Рейсы пока не отменили, аэропорт не закрыли.

Бросалось в глаза большое количество корреспондентов, их можно было определить по аппаратуре, они ругались с таможенниками. Все экраны в зале были включены на Первый, передавали экстренное сообщение. В центре столицы провокации, есть убитые и раненые, была попытка теракта на Старой площади, пресеченная. какой-то эксперт говорил о возможности введения в стране чрезвычайного положения.

Мне – пофиг, мне улететь дайте...

Улетел.

В Перми приземлялся уже ночью, друг – Иван его зовут – встречал меня. Глаза – с пятирублевую монету...

– Видел, не?..

– Вань... чего я должен был видеть?

– Телек включи...

У меня в машине был телек, автомобильный, я включил. От увиденного в осадок просто выпал. Зарево на полнеба,

драки... палками, арматурой мочат, мочат не по-детски. Не похоже вообще ни на что – где полиция, где Национальная гвардия... тут все в одной куче.

Как я понял из сбивчивого комментария, ведущая, видимо, тоже была в шоке от происходящего – ближе к ночи сторонники Антимайдана прорвали кордоны полиции и Национальной гвардии (я так подозреваю, гвардейцы не особо и сопротивлялись) и атаковали сторонников демократии на Манежке. Там – помимо обычной московской хомоты³ – кого только не было: там и приехавшие в поддержку украинцы, и какая-то подозрительная самооборона, и белорусы из «Хартии-97», и футбольные фанаты, и часть националистов, которые раскололись после украинских событий. Их атаковали собранные правительством отряды молодогвардейцев, националисты, рокеры... в общем, лоялисты всех родов и видов. Полиция и гвардия – после дневной провокации – судя по всему, вмешиваться не торопилась...

Изображение было неровным, прыгающим. Было видно, что летят и плескают огнем на людей бутылки... в общем, трудно описать словами, что там было видно.

Я как-то отстраненно подумал: сотка трупов завтра, не меньше. Я в свое время беду в Одессе предсказал – как днем стали сообщать о столкновениях, подумал – худо дело, будут трупы. Вспомнил распад Югославии и знаменитый матч ненависти в Загребе. Утром – как помню, выходной был –

³ От слова «хомяк» (С). Александр Афанасьев.

встал – точно. Несколько десятков человек сожгли...

И тут – плохо дело будет...

Чувствую – плохо...

– Переночуешь у меня?

– Вань. Мне домой надо...

Уральск, Россия

Ночь на 21 февраля 2017 года

В свой родной Уральск я прибыл, маханув из Перми, уже глубокой ночью, пробыв в дороге часов пять. Припарковал машину во дворе родного дома... сна не было ни в одном глазу, я, конечно, энергетика хапнул полторы банки, чтобы за рулем не заснуть, – но дело было не в этом.

Привычная дверь... лифт, едва тащащийся наверх... еще дверь.

Привычная темень длинного коридора, дверь в темную... стиралка на ходу мешается...

Дом... милый дом.

Итак... я был дома.

В это было сложно поверить – но я был дома.

Первым делом я прошел не на кухню. Бросил сумку, прошел в спальню – там стоит один из сейфов, их у меня два. Отомкнул дверцу... все было на месте... сталь и черный пластик автоматических винтовок, сине-красные пачки с патронами. Все было на месте, и всего было столько, что прямо сейчас можно устроить небольшую Курскую дугу...

Так, стоп.

Вот так вот крыша и съезжает. А потом – оказывается, что

ты прямой последователь юриста Виноградова...⁴

Оставив в покое стволы, я прошел на кухню. Но перед этим я вытащил из креплений и бросил на кровать автоматический «Вебрь-15»...

Что бы ни случилось дальше – теперь меня просто так не возьмут. Я, блин, уральский. И в бараний рог согну кого угодно...

Прошел на кухню, поставил на огонь чайник, сел за стол. Чайник у меня простой, старый, его надо на газу кипятить. Чай тоже предпочитаю по-простому заваривать, никаких пакетиков. От пакетиков вкус какой-то синтетический...

Пока закипало – тщательно, с мылом, вымыл руки.

Бежать?

Смысл? На меня ничего нет, я в лучшем случае свидетель. Правда, свидетель такого, что не приведи господь.

Как-то холодно, отстраненно подумал: начинается... Вот и за нами пришли...

Чайник вскипел. Сыпанул чая, заварил...

Что делать? Я почему-то ни разу не сомневался уже тогда – кончится худо. И надо быть готовым ко всему.

Пока чай настаивался – вышел в коридор, поднял сумку, вжикнул молнией. Деньги были на месте – двести штук, двадцать пачек стодолларовых. Учитывая, что товар за них я

⁴ Дмитрий Виноградов, юрист. Купил два ружья, пришел на работу и расстрелял сослуживцев, перед этим оставил в Сети человеконенавистнический манифест, набравший только за первый день четыре тысячи лайков. Причиной расстрела якобы стала травля коллег и неудавшаяся любовь.

привез, а Вадосу деньги были не нужны, получается, деньги теперь мои...

Куда их девать?

Так я и стоял какое-то время в коридоре с сумкой. Потом вернулся на кухню, налил чая, глотнул... и вот тут меня вывернуло. Вывернуло капитально, я едва успел добежать до раковины. Так и стоял, держась за край кухонного гарнитура, – а меня рвало и рвало какой-то слизью...

Проблевался, простите, потом кое-как привел себя в порядок, смыл это все, прополоскал рот. Сел на табуретку – и сидел, думал... только потом хоть убей, не вспомню, о чем. Потом прошел на лоджию... несмотря на то что у меня не видовой пентхаус – этаж высокий и вид с балкона просто шикарный.

Город спокойно спал, горели в ночи одинокие окна... и никто не знал, что в страну пришла беда... и в наш город тоже пришла беда.

Немного лучше стало... по крайней мере не тошнило – и мне пришла в голову еще одна мысль: будет война. Настоящая, большая война. Которая затронет всех нас, затронет и мой родной город.

Мы ведь непуганые... непоротые. В моем городе последний раз война была в восемнадцатом году, да и то ненастоящая, гражданская. А настоящей войны и настоящего врага не было... я даже не знаю, сколько лет не было. И мы не одни такие – подавляющая часть территории России не зна-

ет, что такое война, уже сотни лет. Выросли люди, для которых война – это пустой звук, отсутствие войны – само собой разумеющееся. То, что не представляет ценности, потому что это так и должно быть. Страх перед войной атрофировался в поколениях. Вот и Вадос, с которым мы выросли в одном дворе, когда связался с этой Манежкой... он не подумал, что может быть война. Даже после той войны, в которой он участвовал. Он не подумал, что война может прийти в Москву – и он сам открывает ей двери. И словил башкой пулю – одним из первых...

Война...

Город лежал передо мной... трамваи уже не ходили. И город – некому было защитить, кроме нас самих.

А защищать – придется...

С этой мыслью я вернулся в комнату, оставив дверь на лоджию открытой. Поставил компьютер грузиться...

Первый же информационный сайт, на который я зашел, сообщил, что на Манежке больше ста погибших. Текст статьи был откровенно истерическим.

Понятное дело, теперь вся либеральная тусовка на рога встанет...

Сна по-прежнему не было ни в одном глазу. Смысла даже ложиться нет, ворочаться... не засну. А потому я прошел в спальню, достал из сейфа «Моссберг» и зарядил его картечью, поставил у шкафа. Потом начал набивать патронами автоматные...

Москва, Россия

Ночь на 22 февраля 2017 года

В одной из армейских палаток, стоявших на Манежке, сидели министр иностранных дел и премьер-министр России и, обжигаясь, глотали кофе, держа одноразовые стаканчики заковчевшими руками...

Хотите сказать, такого не может быть? Министр иностранных дел и премьер-министр должны пить кофе в Белом доме, или в Кремле, или на Старой площади, но никак не в прорезиненной армейской палатке на шестьдесят мест? Что такого не может быть, потому что мы не проиграли войну, у нас есть нормальная власть, и она обитает не в палатках на морозе, а в Кремле и тому подобных присутственных местах...

Увы... войну мы проиграли, хотя даже не заметили этого. И министр иностранных дел, и премьер-министр были не настоящими, а из теневого правительства, созданного Координационным советом оппозиции, главным легальным органом, организовавшим это стояние на зимней Манежке. Конечно, за координационным советом стояли другие, и весьма конкретные, непубличные люди и организации – но сам координационный совет должен был в будущем стать заготовкой для правительства новой России. Обновленной России.

Европейской России. Такой России, которую видели и о которой мечтали собравшиеся здесь, на Манежке, люди...

Людей было немного. Оппозиция регулярно заявляла о тридцати тысячах человек, но по факту основной костяк составляли пять-семь тысяч человек, находившихся на площади постоянно. Еще столько же приходили время от времени, в основном по выходным. Среди постоянно находящихся тут протестующих немалую часть составляли граждане Украины, также были и белорусы из «Хартии-97». Русские в основном представляли собой либо часть националистического движения, которая после начала событий на Украине переметнулась на украинскую сторону, либо студентов, из числа самых отморозенных.

Оппозиционеры, митингувальники и протестувальники возвели из чего придется баррикады, установили сцену с дорожной аппаратурой и палатки, они всячески пытались копировать украинский Майдан, но получалось копировать откровенно плохо. Любой, кто был на украинском Майдане в 2014 году и теперь смотрел на Манежку, сразу видел разницу.

Во-первых, отношение к людям и сам состав тех, кто собирался здесь и кто был здесь. В Киеве на Майдан приходили все, и стар и млад, как говорится, были женщины. Здесь женщин практически не было, стариков – тоже, в основном молодежь и мужчины среднего возраста. Почти не было студентов – в отличие от Киева, занятий в вузах никто не отме-

нял, и студенты если и приходили, то только по выходным.

Пропускная система тут тоже была – но работала она много жестче, чем в Киеве. Если в Киеве через весь Майдан можно было пройти, то через Манежку – просто так, не по делу, пройти было нельзя. Если в Киеве на Майдане было дело, что и кормили, и лечили бомжей, то тут бомжей отправляли пинком – подальше. Питание, лекарства и все необходимое для Манежки в основном завозилось централизованно, москвичи тоже что-то привозили, но немного. Намного меньше, чем в Киеве. Манежка и Москва в основном были чужими друг другу, и это чувствовалось...

Активных наступательных действий Манежка не принимала. Возможно, потому что совсем недалеко, на Красной площади, бушевал и бесновался Антимайдан численностью никак не меньше, чем Манежка. Здесь палаток было меньше, антимайдановцы были устроены куда лучше, и спали они в теплых помещениях, кто-то даже говорил – в Кремле. Но они были опасны, не менее опасны, чем сама Манежка. Белоленточно настроенные корреспонденты развлекались тем, что брали интервью и делали групповые фото участников Антимайдана, делая акцент на азиатских лицах и говоря о том, что Антимайдан носит оплаченный и заказной характер. Это, конечно, было так, но не в большей степени, чем сама Манежка. На Антимайдане было немало людей, которым никто и ничего не платил. Некоторые из них были украинцами, которые помнили, что произошло в их стра-

не, и не хотели повторения. Интервью с одним таким украинцем, уже получившим российское гражданство, показал Первый канал.

Но вернемся в палатку к коротающим время двум государственным мужам. Говорили они, как водится, о судьбе России, а конкретно – о Крыме.

– Гарик, ты приди в себя, – сказал министр иностранных дел, грея руки о почти полный стаканчик с кофе, – Крым отдавать нельзя, несмотря ни на что. Ты же понимаешь, нам нужно хотя бы минимальное общественное согласие. Отдадим – нас же потом прямо в Кремле вздернут.

– Сань, – ответил будущий премьер, – так не получится. Ты хочешь все поменять, ничего при этом не меняя. Крым надо будет отдать. С переходным периодом... не знаю как – но отдать. Это – ворованное. А с ворованным в Европу не принимают.

– Турцию приняли... – с сомнением сказал будущий глава МИД. – А у них сам знаешь, какие проблемы с турецким Кипром.

– Турцию не приняли.

– Но в НАТО же приняли. И никаких санкций против Турции нет. Думаю, конкретно по Крыму договориться можно будет. Проведем референдум, там то, се. У ЕС, как и у США, аллергия на Пу. Не будет Пу – это само по себе положение облегчит.

– Неправильно рассуждаешь.

– В чем?

– Почему в девяносто первом не удалось? Ты никогда не задумывался?

– ...

– Потому что тогда тоже решили на поводу у народа пойти. А надо было через колено ломать, как в Польше. Создать институт люстрации, начать уголовное преследование коммунистов, запретить компартию. Одного посадили – публично, как положено, не таясь, – сто затихарились. Но сажать надо было!

– Гарик, тогда бы все уже через год на осине висели.

– Не висели бы! Ты кого боишься? Эту быдлятину, что через дорогу? Да они первые будут хлопать за безвизовый въезд и то, что через какое-то время будут деньги нормальные, а не деревянные. Если что – США помогут, Европа поможет, – введут персональные санкции, арестуют счета тех, кто возбужать будет. Может, и войска введут.

– Ага. Ввели в Украину...

– Россия – не Украина! Ставки больше, это все понимают! Я уже говорил кое с кем. Все это понимают. И готовы рисковать. В разумных, конечно, пределах.

– В разумных? Гарик, а на хрена нам с ходу так восстанавливать против себя большую часть населения страны? Ты прекрасно знаешь, какое мнение по Крыму. С хохлами этим Крымом мы все равно не замиримся, им Крыма мало будет, они репарации потребуют. А здесь мы против себя автома-

том полстраны настроим.

– Сань, ты не врубаешься? Если надо заплатить репарации, значит, заплатим. Вопрос – с кем мы. На чьей мы стороне. И нашим и вашим в этот раз не получится. Надо определяться. Крым – это вопрос такой, он сразу позволит определить, кто с нами, а кто против нас. Кто против нас – тот сразу возбухнет. И можно будет действовать.

– Как – действовать?

– Там посмотрим. Главное – разом сжечь все мосты. Показать Западу, что мы решительно изменились...

Будущий премьер понизил голос:

– Я тебе больше скажу. Я был в Вашингтоне, на симпозиуме, потом пригласили на деловой завтрак в Госдеп. Там – тоже не дураки сидят. Мне конкретно дали гарантии. Если мы продемонстрируем добрую волю и обеспечим управляемость – никто нас щемить не будет. Наоборот, есть мнение, что в этом случае весь постсоветский регион и часть Ближнего Востока постепенно отдадут нам.

– Это – как?

– А так. Врагам никто не отдаст, это понятно. Но если мы продемонстрируем, что мы не враги... В Госдепе недовольны происходящим на постсоветском пространстве. Особенно Украиной. Вложенные бабки пошли впустую, четкой ориентации добиться так и не удалось, а моральные издержки от публичной поддержки такого режима превышают все возможные пределы. Короче, если мы продемонстрируем, что

мы лучше контролируем ситуацию, то Украину передают в управление нам, деньги пойдут через нас, указания – тоже. По Грузии – пока такого решения нет, но по Украине – оно уже созрело. Дело за нами.

– Украина... – с сомнением протянул министр иностранных дел, – они там как с цепи сорвались. Контролировать их невозможно. Тем более – нам. Они же нас ненавидят...

– Какая разница, ненавидят... МВФ придушит – завтра они к нам приползут на коленях, будут ж... целовать. Против Америки они не пойдут...

Разговор прервало появление в палатке нескольких людей в одинаковом камуфляже и масках. Маски на Манежке нельзя было носить никому, кроме самооборонцев...

Вообще, интересные люди были эти самооборонцы. Они были разные... была, например, сотня, которая использовалась, когда надо было дать картинку для интервью или что-то в этом роде. Там были только москвичи, умеренной степени быковатости. Ну и... из Подмосковья. Главное – более-менее нормальный язык и нормальная русская ряха. Были сотни, набранные из гастарбайтеров, из людей, присланных этническими мафиями. Наконец, были сотни, которые появились как бы из ниоткуда, в них была железная дисциплина, и их можно было опознать по ношению масок – они почти их не снимали. В этих сотнях команды отдавались на русском, но иногда проскакивали и другие языки. Украинский, белорусский, литовский, грузинский...

Эти сотни были опорой, силовым каркасом Манежки, и их по сравнению с киевским Евромайданом было много... непропорционально много по сравнению с численным составом обычных протестующих. Жили они в палатках, не армейских старых на шестьдесят душ – а нормальных, утепленных...

– Выходим, – сказал старший из самооборонцев в глухой черной маске.

– Что происходит?

– Нужно идти. Прямо сейчас.

– Почему?

– Жора передал привет.

Эти слова для министра иностранных дел и премьер-министра России оказались решающими, они встали.

– У меня вещи в палатке...

– Жора сказал – нет времени.

Жору на самом деле звали Джордж, и он был представителем Фонда развития демократии и гласности, со штаб-квартирой в Вашингтоне, округ Колумбия. Он давал деньги на протесты и более того – каждый день он сбрасывал на оговоренные телефоны части базы данных. Соединив их вместе, они получали что-то вроде разведывательной сводки, из которой узнавали, что собираются предпринять против них в Кремле. Распечатки переговоров, иная информация. Все это передавалось раз в день, куски баз данных сшивались специальной программой, и если хоть одной части не было – базы

также не было.

Это держало их вместе...

– Хорошо.

Министр иностранных дел поежился. У него не было зимней шапки на голове, а на улице мороз, и вряд ли уместно сейчас идти за шапкой...

Боевики самообороны профессионально взяли их в кольцо и повели. Они шли мимо палаток, мимо охапок дров и мешков с углем из супермаркетов, мимо газовых баллонов, мимо мешков с макаронами и крупами, мимо выглядывающих из палаток пузатых емкостей с питьевой водой – их держали в палатках, чтобы не полопались. Шли быстро. Кто-то узнавал их, кричали «Слава России!», и они машинально отвечали в ответ. Народу на Манежке в зимний ночной час было совсем немного, Москва – не Киев, тут зимой не помайдаешь. Они даже предлагали перенести Манежку на лето, доказывали, что так придет больше народа, – но американцы были непреклонны. Или сейчас – или никогда. В смысле – денег не будет, и организовывайте все сами. Как хотите.

О том, что к лету должен был быть готов первый пусковой комплекс газо- и нефтепровода в Китай и намечалось после больших проволок подписание соглашения о крупном железнодорожном строительстве, – они не знали. А если бы и знали – не остановились бы. Дело свободы – важнее всего.

Пошли баррикады. Москва – город старый, в центре тесный, перекрыть его баррикадами довольно просто. К тому

же – в отличие от Киева – рядом река. Потому все время они набирали в Москве-реке воду, сделали даже специальные емкости – утром она уже застывала, и вот был готов ледяной блок, который засыпали снегом, получая основу для баррикады.

На баррикадах дежурила ночная смена. Пацаны в основном. У них тут было неплохо – костры, и всем выдали дорожную утепленку натовского стандарта. Они стояли со своими палками, с обычными и лыжными, с палицами, с цепями. У многих – под полую травмат или мощная пневматика, многие покупали простейшую «MP512» и делали обрез. На близком расстоянии, да без защитных средств при попадании по месту получалось тяжелое ранение.

Но все это были «цветочки». Войска второго эшелона, дзержинские. Настоящая сила либо отсыпается в палатках, либо дежурит у Исторического музея – там, отделенная ментовской стеной, ждет другая сила. Антимайдан. До сих пор им так и не удалось встретиться в бою по-настоящему, не считая драк в пригороде. Но они готовы. Их ударные части – это опытные профессионалы, прошедшие огонь и воду. Бронжилет на голое тело, поверх свитер, на руках и ногах у кого-то кевларовый комплект, у кого-то алюминиевые щитки. На голове шлемы, у многих такие, что «ПМ» выдержат. Они все работают спаянными группами, у них даже оружие разное. У кого-то тяжелое дробящее – палица, они работают с большим и малым щитами, как римские легионеры.

У кого-то – легкие щитки и длинные копья с длинным и острым шипом на конце – такое оружие нужно, чтобы ударить с безопасного расстояния зазевавшегося противника в пах, в колено, в то место, которое не закрыто броней, повредить, вызвать сильное кровотечение и вывести из строя. Кто-то – профессиональные метатели коктейлей, у них и праща есть. Кто-то работает под гражданских, среди таких есть даже женщины. Их оружие – обычно заточка или длинное шило, их задача – прикинувшись гражданским, подойти поближе, ткнуть заточкой в незащищенную часть тела. Некоторые специализировались на растаскивании «черепахи», ментовского строя. У них тоже были длинные палки, но на конце вместе с пикой или ножом – большой крюк, которым можно цеплять за щит или за ноги. Главное – вырвать щит или вывести из равновесия, уронить, потащить... если товарищи начнут спасать упавшего – то строй сразу развалится. А они – будут спасать, потому что знают, что будет с теми, кто попадет в плен...

Они даже видели казачьи шашки, и черные сабли, и самурайские мечи – от Cold Steel. В условиях, когда холодное оружие признали устаревшим – если оно внезапно появлялось у одной из сторон, а у другой его не было, – то оно могло быть предельно эффективным. Что стоит палка или нож против заточенной как бритва казацкой шашки или абордажной сабли, которой можно в секунду отрубить человеку конечность?

Но сейчас все эти войны в основном отсыпались.

– Пароль?

– Витебск на сегодня.

– Проходите...

Кто-то заметил уходящих:

– Слава России!

В следующую секунду... со стороны Исторического музея раздался какой-то непонятный, долгий, разбойный посвист. Министр иностранных дел оглянулся и увидел нечто. Это было похоже на огненный шар... отсюда он виднелся размером больше футбольного мяча... удивительно, но он медленно-медленно летел над Историческим музеем, выше стен Кремля и потом начал медленно падать... в скопление палаток Самообороны.

– Пошли!

Они побежали. Около баррикад никто не ставил машин, как минимум – могли слить бензин. Улица была пустынная как никогда, даже наряда милиции не было видно. Оконные проемы – все закрыты деревянными и металлическими щитами...

– Свин, забирай нас! – крикнул один из самооборонцев в телефон.

Они бежали... проулок осветил свет фар, на них надвигался микроавтобус... и вдруг непонятно откуда выхлестнули враги. Как из-под земли... может, из проулка или еще откуда. Главное – их было человек десять, не меньше, и они

были готовы к бою. На одном из них, самом здоровом, был старый шлем «Алтын» с забралом, который и автоматная пуля не всякая возьмет, бронежилет топорщился почками с магазинами. В руках «Вепрь-12» – страшное оружие на такой дистанции.

– Вон они!

– Бей!

С обеих сторон хлестнули выстрелы. Самооборонцы открыли огонь из непонятно откуда взявшихся пистолетов, и им градом картечи ответили ружья...

То, что происходило дальше, министр иностранных дел теневого правительства помнил смутно...

Ночь... но совсем не такая, как обычно. Обычная ночь – это свет окон и неона ночных клубов, уют своей собственной, привычной машины, запах женских духов и привычное предвкушение. А тут – темный, мерзлый переулок, размытые краски, все цвета серого и черного – и вспышки. С обеих сторон – вспышки.

Водитель выручил их – поставил банковский бусик между ними и стреляющими. Из стреляющих трое уже лежали, но и у них были раненые...

– Сюда!

Господи... он не понимал, что с ним, не понимал как... Его тащили и кантовали, как мешок с картошкой...

– Гони! Гони!

В бусе было тесно и темно. Но тут – не стреляли.

- Все целы?
- Я ранен...
- Терпи, сейчас перевяжемся.
- Сразу стрелять стали – видели?
- Москали, сволочи.
- Хлопцы, куда ехать-то? Из города?
- Не. На стоянку. Сдадим этих...
- А сами?
- Гуртовой скажет.
- А где гуртовой-то?
- Тебя не касается. Слава Украине.
- Героям слава...

Тем временем на Манежке противостояние между Манежкой и Красной площадью вступило в завершающую фазу...

То, что видели спасающиеся с Евроманежки ее организаторы, на самом деле была огромная емкость с горючей смесью, которую развели в одном из институтов равнодушные студенты. Смесью эта по своим свойствам напоминала напалм, но горела куда лучше, чем смесь бензина, керосина и полистироловых шариков (или тертого мыла), как на Майдане. И перевозить ее было значительно безопаснее.

Вторым компонентом, которого не хватало для адской бойни, была катапульта. Катапульта мощная, сваренная в мастерской одного мотоклуба. В ее состав входили автомобиль-

ные рессоры – как упругий элемент и две автомобильные лебедки – для натягивания. Катапульта работала следующим образом: две лебедки, работая одновременно, сгибали упругие автомобильные рессоры, после чего оператор катапульти «запирал» ее, набрасывая толстенную цепь на крюк в мощной раме катапульти. После чего в чашу вкладывалась большая емкость с зажигательной смесью, оператор рывком троса отпирал замок катапульти – крюк был поворачивающимся. Рессора разгибалась, и адская смесь летела в сторону врага. Эту катапульти еще не успели испытать как следует, но на вид она выглядела мощно.

– Не получается! – крикнул оператор, пытаясь тросом освободить замок катапульти.

– Слабак! – протолкался вперед один из создателей, байкер. – Дай...

Поднатужился – а потом рванул. Раз, другой... И вдруг катапульта с хлестким, лязгающим звуком освободилась, и емкость со смесью полетела вверх.

– Йоу!

– Слава России!

– Следующую давай!

Зарядили следующую. И выпустили – эта попала прямо на выбегающих из палатки людей. И еще зарядили. Летит высоко – катапульта оказалась мощнее, чем предполагали ее создатели, она позволяла забрасывать полезный груз выше здания Исторического музея.

Евроманежка заорала, застучала, просыпаясь, — и ответом вскипел Антимайдан. Сразу две шеренги бойцов — у всех холодняк, ножи, дубины, мечи и шашки, у многих травматы, у кого-то под полый и настоящий пистолет, боевой или переделанная под мелкашку дрянь. И между ними — только шеренга бойцов ОМОНа. Полетели уже самодельные гранаты в обе стороны.

А потом ОМОН вдруг прогнулся, отступил — и впервые за все время противостояния две готовые убивать толпы оказались друг напротив друга.

И — началось побоище...

Уральск, Россия

22 февраля 2017 года

Утром я все-таки забылся тяжелым, нехорошим сном.

Проснулся около двенадцати, что для меня было совершенно нехарактерно – я встаю в шесть утра без будильника даже в выходные. Автомат лежал рядом с кроватью, ружье – у шкафа, сейф открыт... зашибись. Первым делом ломанулся к компу, выключить я его, конечно же, забыл. Компьютер загудел, пробуждаясь к жизни... засветился экран – я был на том же самом новостном сайте. Заголовок, бросавшийся в глаза, был страшен: более пятисот человек погибло в Москве во время бойни на Манежке...

Ну, вот и здравствуй, пушистый северный зверек.

Ожидал ли я такого? А чего еще ждать? Это как в Украине – только у нас линия разлома несколько другая. У них – Восток и Запад. У нас – четырнадцать процентов и восемьдесят шесть. Либералы и совки. Или, как я прочитал в одной статье по итогам президентских выборов, некачественное большинство.

Демократия, однако...

Я пробежал глазами статьи... истерически обвиняли друг друга, хватались за голову... как так получилось... как так получилось... Тут же с ходу начали мериться трупами... а вы

нашего убили... а вы вот – нашего, нет, вы больше убили... нет вы. Как детский сад... Господи, детский сад. Кому только жалуются – где воспитатель?..

Да какой там, на хрен, воспитатель...

Все заголовки газет на ИноСМИ – только об этом. Употребляется термин massacre – бойня. Сравнивают со сталинизмом... хотя я бы сравнил с другим... с Варфоломеевской ночью в Париже, много веков назад. Да и чего сейчас сравнивать.

Жаль ли мне их? Можете считать меня кем угодно, но – нет. Потому что все – виноваты. Одни – настолько упились собственной ненавистью к тем восьмидесяти шести процентам, которые их кормят, обувают, одевают, учат, лечат, что вообще потеряли берега. И теперь какой смысл вопрошать – за что? Когда стебались во всех СМИ, когда исходили ядом в вашем «Твиттере» и «ЖЖ» – вы ведь, блин, против своих это все говорили. Вспомнилось... в Украине, в девятом или в десятом году произошла авария на шахте, погибли люди, и кто-то из бандеровцев написал: «Кротам кротячья смерть». Вот она – линия разлома. А у нас не меньше яда, не меньше ненависти было? Просто деление – не территориальное, не национальное – а по отношению к власти. Пацаки и чатлане. Как в «Кин-дза-дза!». И чего теперь удивляться, что даже после такого есть люди, которые радуются... мало им вломили, мало их пожгли, надо еще. А вы, те, кто сейчас сидит, поджав хвост, но строчит в «Твиттере», – хоть одно доброе

слово людям сказали по жизни?

Но те, кто жгли... патриоты хреновы...

Я сам патриот, но вас бы расстрелял, честно. Что вы творите? Что вы, блин, творите? То, что вы сделали, – это патриотизм? Или это бантустан, только не черный, а белый? Африка, блин!

Вы же страну погубили своей дикостью. Нашу страну, про любовь к которой вы захлеб орете. Теперь Россия лет на пятьдесят – это страна, в которой на Манежке...

Вам пофиг? Мне не пофиг! И людям не пофиг! Жить в дикарском бантустане – это не мое, под каким бы соусом это ни подавалось. Хоть патриотическим, хоть каким... зверье – оно и есть зверье, свое оно или чужое. А вы... вот увидите, как это все еще извратят. Как этим воспользуются. Будете локти кусать, да поздно будет...

Так вот я и сидел, и думал. А потом просто выключил комп, чтобы больше не видеть всего этого...

Не видеть, не слышать... не понимать.

Что будет... а вот увидите, что будет. И самое плохое, что один человек – я, например, – и даже тысяча человек не смогут ничего с этим поделать.

Или могут? Может, с этим не смогут, а с последствиями.

Я – один. И я в масштабах страны – никто. Букашка-та-ракашка. Изменить ход истории мне не под силу, и я это отлично понимаю. Но у меня есть свободный день и двести тысяч долларов первоначального капитала. Для чего-то же эти

деньги мне остались. И я знаю, что они от меня не уйдут...

Бог...

Я снова включил компьютер, открыл Excel. Подумав, начал составлять таблицу.

В храме я не был уже больше года.

Я пришел пополудни... у нас в городе есть несколько храмов... конечно, не так много, как в том же Владимире... но есть. Я ходил – когда ходил – в старую церковь, которая работала еще во времена СССР... главный собор нашего города тогда еще не был построен, а еще один собор – был кино-театром...

Несмотря на позднее по церковным меркам время, людей было достаточно, и я понимал почему. Люди ставили свечи... я купил несколько, поставил... и почувствовал, как от тепла свечей и молитв понемногу отогревается душа...

За Вадоса поставил свечку. Он не такой уж плохой человек был... просто в Москве он изменился. Повелся... и вот к чему это привело...

Пусть земля тебе будет пухом, Вадос. Я не знаю, кто конкретно в тебя стрелял и столкнет ли меня жизнь с теми, кто в тебя стрелял, – но что-то мне подсказывает, что столкнет. И останусь я в живых или нет – но песка в шестеренки я им сыпану столько, сколько смогу. И тем самым отомщу за тебя. А если не хватит – надеюсь, сыпанут и другие. И когда они поймут, что обломались, как обломались многие до них, ко-

гда они дерьмо жрать будут, – вот тогда твоя смерть, Вадос, будет отмщена.

Поставил свечку за тех, кто погиб там. За всех, не разбирая. И за бойца Национальной гвардии, смерть которого я видел. И за дуру-тетку, которая во что-то верила и пошла на митинг, чтобы там быть убитой. И за рокера, сгоревшего от коктейля Молотова, которых на Манежке, судя по записи, было достаточно.

Нет смысла разбирать, потому что все они – на одной стороне. Они все до одного погибли за кровавый спектакль, цель которого – власть в России. То же самое было и на Майдане... только там обошлось несколькими десятками смертей... а тут потребовалось несколько сотен. Но и Россия – не Украина. Здесь климат иной. Положили несколько сотен – застрелили, сожгли, забили палками... а если потребуется, то и несколько тысяч, и несколько десятков тысяч положат и не поморщатся. Ставки высоки.

Но я, если получится, отомщу и за вас.

Потом я спросил у убирающей свечки старушки, где можно поставить свечку за удачу в делах, – и поставил туда все оставшиеся. Господи... тебе виднее, прав я или нет в том, что я задумал. Но если я прав, если ты – все еще с нами, все еще с нашей страной... то помоги мне чем сможешь. Очень тебя прошу...

А я сейчас помолюсь.

Пресвятая Владычице Богородице, единая

чистейшая душою и телом, единая превысшая всякой чистоты, целомудрия и девства, единая всецело соделавшаяся обителю всецелой благодати всясвятаго Духа, самая невестественныя силы здесь еще несравненно превзошедшая чистотою и святынею души и тела, призри на мя мерзкаго, нечистаго, душу и тело очернившего скверною страстей жизни моей, очисти страстный мой ум, непорочными соделай и благоустрой блуждающие и слепотствующие помыслы мои, приведи в порядок чувства мои и руководи ими, освободи меня от мучительствующаго надо мною злаго и гнуснаго навыка к нечистым предразсудкам и страстям, останови всякий действующий во мне грех, омраченному и окаянному уму моему даруй трезвение и рассудительность для исправления своих поползновений и падений, чтобы, освободившись от греховной тьмы, сподобился я с дерзновением прославлять и песнословить Тебя, единую Матерь истиннаго Света – Христа, Бога нашего; потому что Тебя одну с Ним и о Нем благословляет и славит всякая невидимая и видимая тварь ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

Текст молитвы был напечатан на табличке, рядом с иконой. Прочитав ее, я развернулся и пошел прочь...

Информация к размышлению

Документ подлинный

Начало. Десятый год

Из России выводят бога,
официально, по договору,
бог сидит на броне прищурясь,
что ж – домой так домой.
Шестикрылые серафимы
прогревают в бэхах моторы,
и на солнце триплекс бликует,
словно радуясь, что живой.
Скоро, скоро пойдет колонна,
все закончится скоро, скоро,
и не то чтобы нет патронов,
просто гниль – это просто гниль.
А какой-то усталый ангел
на прощание по забору
вывел суриком: «Нищес умер»
и задумчиво сплюнул в пыль.

Год четырнадцатый

Он проверил все сводки и смыслы,
расписал маршрут и дозоры.
Вы не верьте в смерть и потери,
у Всевышнего каждый – живой...
Возвращается бог в Россию
в нарушение всех договоров,
в нарушение всех приказов
бог идет в Россию, домой...
Ах, как весело прет колонна.
Как слоненок по помидорам...
Ну, нестрашная же страшилка,
намалеванный чертом черт...
И тот самый забытый ангел,
снова суриком, по забору
вывел: «Мы все равно вернулись,
а ваш Ницше все так же мертв...»

Казак

Уральск, Россия

11 мая 2017 года

А ваш Ницше все так же мертв...

Да, вот так вот...

Второй акт всего этого... фекалий, простите, начался вчера, когда неожиданно объявили об отставке президента, правительства и создании Правительства национального спасения...

Правительство национального спасения – это, чтобы вы знали, лебедь рак и щука. То есть представители всех партий... с явным уклоном к либералам, как наиболее пострадавшей стороне. Любому дураку, кто руководил или командовал хоть кем-то кроме собственной жены, понятно, какой это бред. Правительство – это команда, рабочая группа, и из представителей разных партий и разных политических взглядов она состоять просто не может. Потому что будет неработоспособной.

Это я понял еще тогда, когда объявили о создании Комиссии национального примирения. Я не понимаю, о каком, к чертям, примирении может идти речь? Когда совершается преступление – его расследуют или примирение объявляют? Преступника судят или за стол переговоров с ним садятся? Совершено преступление – тяжкое, массовое, с мно-

гочисленными жертвами. Его надо расследовать, устанавливать виновных, разыскивать их, задерживать и отдавать под суд. И под судом должны сидеть не только те, кто напал на Манежку, но и обязательно тот снайпер, который застрелил Вадоса и двух бойцов Национальной гвардии на моих глазах. И те, кто организовал это кровавое представление, после которого смена власти стала просто неизбежной, на девяносто девять процентов. Обязательно надо устанавливать и режиссеров этого кровавого спектакля, и мотивы, и тех, кто первым крикнул «бей!» и пошел на прорыв цепей ОМОНа. И привлекать их к ответственности. По закону. За совершенные ими преступления.

Что же касается примирения – то лично я ни с кем не ссорился. У меня есть свои политические взгляды и свои интересы, которые не изменились ни на йоту. И я не считаю нужным их менять вне зависимости от того, что произошло. А произошедшее вчера я рассматриваю как государственный переворот. Ни и. о. президента, ни Правительство национального спасения мною не избирались, я за них не голосовал. И я не вижу ни малейшего смысла в том, чтобы они правили Россией хоть день.

И.о. президента – должны были проголосовать сегодня через Госдуму, как единственный легитимный орган власти, оставшийся в России, – и я слушал радио, направляясь на стрельбище. Когда объявили кандидатуры, я насторожился. А когда с первого круга голосования прошла одна из них,

мне только и осталось, что съехать с дороги и где-нибудь встать. Я встал на стоянке рядом с придорожным кафе – это было на самой границе городской черты, справа были новостройки, а слева – парк и зоопарк, мимо которых я проехал.

Зоопарк...

Миша Бельский. Молодой и активный лидер оппозиции, которого признавали не все либералы, потому что он отличался (на словах) националистическими взглядами. Один раз за эти взгляды его даже исключили из либерально-демократической партии...

Уже то, как за него быстро проголосовали, показывало – вот оно! Это и есть промежуточный финал того, старт чему был дан несколько месяцев назад на Манежке. Значит, делалось все ради Миши...

Нет, я вовсе не думаю, что Миша все это затеял... он не более чем пешка, которая прошла через все шахматное поле и стала ферзем. Меня больше интересуют шахматисты...

Я ехал на стрельбище. Оно расположено за городом, довольно удобное – хотя и далековато. На стрельбище я бываю часто, пользуюсь членской карточкой IPSC. Стреляю, но в турнирах особо не участвую и стреляю не на спортивный результат. Скорее отрабатываю кое-какие приемы, пристреливаю снайперское оружие (а оно у меня все в той или иной мере снайперское), опробую новую снарягу...

Народ на стрельбище уже был. Я выложил винтовки – «Сайгу-308», «Вепрь-12» и огражденный на ЗИД и потом сильно переделанный мной «АКС-74», начал вешать снаряжение. Снаряжение у меня тоже в основном боевое. Например, у людей обычные пояса для IPSC с пластиковыми держателями для магазинов – почками, а у меня – плейт-кэрриеры военного типа, да еще и с вставленными туда плитами.

Впрочем, не один я так стреляю...

Рубеж для нарезки был свободен, магазины я набил заранее – у меня их много, и я набиваю их заранее, дома, чтобы тут время не терять. Взял триста восьмые, рассовал – часть по поясу, часть – по разгрузке, они, кстати, неплохо в подсумки двенадцатого калибра уходят. Взял винтовку, включил прицел, пошел на огневой...

Расстреляв взятые с собой патроны, я посмотрел на часы: нужный мне человек, который обычно точен как штык, на сей раз опаздывал. А мне он нужен. И именно сейчас – когда надо начинать решать. Когда практически все, что должно быть куплено, куплено и спрятано. И даже в случае моего ареста это мало что изменит. Если я, конечно, не начну говорить. А я не начну.

Сергей Васильевич, один из местных ветеранов-афганцев, написал даже книгу про Афганистан, вышедшую, правда, только в местном издательстве. Но она у меня есть. Связан с кем-то в Казани и Москве. И еще я точно знаю, что от него

собирали в городе помощь для Донбасса и он сам отправил туда несколько добровольцев. То есть с кем-то он точно связан. И потому я держался в его поле зрения, но знакомство было шапочным, и я его не развивал.

Он, как и все, приехал пострелять, но я перехватил его на стоянке, когда он закрывал машину. Машина у него, как и у меня, старый джип, но у него «Паджеро».

– Сергей Васильевич...

– Александр...

Вот что мне нравится на стрельбище – это его атмосфера. Наверное, везде по-разному, но у нас люди всегда доброжелательны друг к другу. Начинаешь верить в мантру американских владельцев оружия: вооруженный человек – вежливый человек.

– День добрый.

– Добрый. Тебе чего?

– Поговорить бы...

Сергей Васильевич показал на свою сумку.

– Срочно поговорить надо...

– Слышали, что происходит?

Мы сидели в машине, на стоянке. В его машине, не в моей. «Радио Дача» передавало какую-то несерьезную попсу.

– В смысле? Где происходит?

– В Москве.

– А чего там происходит?

– Бельского выбрали. Думаете, нормально?

– Чего мне думать...

Он был меня старше, Горин – такая была у него фамилия. Старше и мудрее. И имел все основания мне не доверять. Как и я не имел оснований доверять ему. Потому что ФСБ местная не дремлет. И если человек занимается таким стремным делом, как отправка людей на Донбасс, а обратно может и оружие идти, если он закупает военное снаряжение, бронежилеты, то ФСБ просто не может не присмотреться – и правильно сделает, что присмотрится. И один из способов сделать так, чтобы от тебя отстали, – дать расписочку.

Но и я – один в поле не воин. И я не могу давать обьявы – не хочет ли кто записаться в бандформирование. То, что оно прорусское, сути не играет. Власть опасается такого. И про-русского, как мне кажется, еще больше, чем всего остального...

Надо решаться...

– Сергей Васильевич... съездите со мной?

– Это куда?

– На гараж. Показать кое-что надо.

– ...

– Не пожалеете.

Горин посмотрел на стрельбище, откуда гремели выстрелы... потом открыл дверцу и сплюнул.

– Где у тебя гараж?

– Да тут. Я на своей поеду...

Гараж – точнее, один из гаражей – был у меня на другом конце города. Но проехали мы до него быстро – просквозили по Холмогорова, вышли на Удмуртскую, плавно переходящую в Воткинское шоссе. Тут пробок практически никогда не было, улицы широкие, это тебе не старый центр города...

Заехали в кооператив, прокатились почти пустыми улицами. Гаражи – это наследие девяностых, тогда многие считали нормальным держать машину за городом, пользовались ею только время от времени, ремонтировали ее сами, кто-то покупал гараж ради ямы, чтобы хранить продукты с собственного огорода, мужики целые дни проводили в гараже, некоторые даже второй этаж надстраивали. Теперь машиной пользуются каждый день, держат ее во дворе, ремонтируют в сервисе при автосалоне, а продукты не выращивают, а покупают в супермаркете. Так что огромные гаражные кооперативы, настроенные вокруг города, стояли полупустыми, и только в некоторых, особо удачно расположенных, гаражи стоили дорого, особенно блоки по два-три гаража рядом, чтобы использовать их под склад или открыть небольшой бизнес типа производства стальных блоков. Но у меня гараж был именно здесь, в непрестижном месте и в глубине комплекса...

Замок открылся хорошо, я его графитовой смазкой смазал, второй – тоже. Я включил свет, показал рукой – заходите. Горин заглянул, осмотрелся, только потом зашел. Товар

стоял на поддонах из-под кирпича, часть у меня была, часть я насобирав по округе. Отдельно – готовые броники, запакованные в черные сумки, в основном – «Кора-Кулон» пятого класса, ростовского производства. Довелось мне тут прихватить партию по дешевке. Отдельно – бронеплиты, они стоят совсем дешево, а пошить при необходимости чехол на броник – ни разу не проблема. Все я упаковал как смог – законсервировал. Если что... все это будет востребовано, чехол можно за сутки пошить, какой надо, надо там – со стропами МОЛЛЕ или еще с чем. Еще дальше – лежит тюк с бундесверовской формой, нервущейся, несносимой, это мне оптом привезли, прямо так – тюком. Тоже – дешево и сердито, самый дешевый и качественный вариант с гортексом.

Горин потрогал бронезилет, пробежался пальцами по стопке – пересчитал. Присвистнул. Посмотрел дальше.

– Это ты магазин открыл?

– Нет. На случай пушистого северного зверька. И не для себя – для людей. Тех, у кого будут одинаковые со мной взгляды.

– ...

– Есть тема для разговора?

Мы остановились тут, неподалеку. На горке, как тут говорили. Здесь на остановках еще сохранились ларьки, и в одном из них мы купили пару пива. Пиво не самое лучшее, не живое, пастеризованное – но в данном случае пиво выступа-

ет только как средство социализации...

И все-таки – скверное пиво...

Мы стояли у моего «Гелендвагена», прикрывшись им от дороги. С нашей стороны – там поворот, и дальше – громадная ТЭЦ, работающая на город, через дорогу – гаражи и дальше коттеджный поселок. Тут одно время у моей семьи восемь соток было, но застраивать не стали, продали. Тогда под огороды покупали, время было несытое. А какой огород... бывшее колхозное поле, перемешанное в пыль тяжелыми тракторами, пустая, слеживающаяся как камень земля, все соки из нее выжаты...

Мимо нас пролетали тяжелые фуры, обдавая пылью и упругими волнами воздуха, на скорости проскакивали легковушки. Там дальше, через два холма, пост ГИБДД, там скорость сбросят. А пока – жали на полную...

– Тебе зачем это надо? – спросил Горин, прихлебывая из горла пиво.

Зачем... интересный вопрос.

Я помню распад СССР... я тогда чего – сопляком совсем был. Гормоны играют, все мысли – только о слабом поле. Как-то не впечаталось в голову что-то... плохое об этом времени... рок неизбежности. А страна рухнула. Вот рухнула, и все, блин. Как-то незаметно. Это потом соображаловка пришла, что сделали; да поздно уже. И до сих пор нам аукается...

– Вы помните, какой тут движ был в девяностых?

Горин кивнул.

– Помню.

Движ действительно был знатный. Планировали создать в республике собственный конституционный суд. Это меньше чем на два миллиона жителей! Вопрос разделения полномочий между республикой и федеральным центром доходил уже до настоящего Конституционного суда РФ. А рядом...

– Мудаков найдется много желающих – повторить. Согласитесь – по сравнению с СССР принципиально ничего не изменилось. Все то же самое – рыхлый федеральный центр и готовые протогосударственные образования, заготовки независимых государств – со всеми своими органами власти. Достаточно декрет написать, провозгласить – и еще пятнадцать-двадцать новых государств готовы. Все вместе только тогда, когда все хорошо. Как только проблемы, все сразу захотят выплывать поодиночке – мол, мы и сами с усами. Хватит кормить Центр. Народ с тех пор ни разу не поумнел.

Горин хмыкнул.

– А ты поумнел?

– Мне уметь не надо, Сергей Васильевич. Я – с ходу врубаюсь. Тот движняк, что есть сейчас в Москве, он полюба-су нормально не кончится. Бельского протолкнули не просто так – выборы бы он не выиграл никогда. И дербанить – опять есть чего... много чего нажили. СССР рухнул в том числе и потому, что слишком много ничьего было – подходи, бери. Сейчас то же самое. Слишком много всего государственно-

го – только воруи. Все местные элиты схватят свой кусок и начнут его грызть. Потом, через пару лет, когда станет понятно, что опять всех кинули и Запад вовсе не собирается нам помогать, встанет извечный русский вопрос: «кто виноват?». И местные элиты, чтобы не стать виноватыми сами, переведут стрелки на русских. Вот они! Они виноваты! Это они – гоблины с имперским мышлением! Ату их! Давайте, блин, изучать языки – удмуртский, татарский, башкирский, марийский и иже с ними. Давайте изобретать историю, как нас русские несколько сотен лет назад поработили и в черном теле держали, как рабов. А теперь мы свободные! Мы – нация! Слава нации! Смерть врагам!

– Тише... – поморщился Горин. Последние слова я прокричал.

– А что не так? Все – так. Мы тут до сих пор живем как у Христа за пазухой, всем плевать, кто ты – русский, удмурт, татарин, еврей, армянин. В центре города мечеть выстроили – и ничего, все нормально. А будет по-другому – в глотку друг другу вцепимся. Это сейчас: что такое «БМВ»? Боевая машина вояка. Все ржут. Всем смешно, никто ничего не думает, не чухает. А тут не ржать – тут резать будем друг друга. Ножамии. Москалей на ножи. Как в Украине. Мы ведь тоже тут русские – значит, москалии. Потом – и АТО начнется. По городу из «Градов» отработают... да чего там говорить... Народ не поумнел ни фига. Власть – тоже не поумнела, как показывают последние события. Но мне хочется думать, что

в этот раз хоть что-то будет по-другому. Хоть кто-то – не примет то, что там наверху решили, а встанет и скажет – нет, ни фига. Ни фига не будет так, как вы решили. Только через мой труп. Или через ваш.

Горин пристально смотрел на меня.

– Здесь – Россия, Сергей Васильевич. И я собираюсь сделать все, чтобы так оно и осталось. Навсегда. Мне не хочется думать, что как только весь этот движ начнется, никто не встанет. Тогда не встали – не стало СССР. Приходится думать – а на фиг он был нужен людям, если никто за него не встал? А сейчас? Опять не встанем? А тогда на фиг нужна Россия?..

Вечером я разложил всю снарягу по местам, выпил чаю. Затем вставил в переходник небольшую телефонную карточку памяти, на которой я храню все свои записи. Так карточка хранится в моей электронной книге, а нужные файлы замаскированы под книги. Если не знать, где конкретно искать, то, скорее всего, и не найдешь, тем более что сначала там действительно книжный текст идет.

Двести тысяч долларов – сумма немалая, но к сегодняшнему дню она исчерпана больше чем на две трети. Из них я ни одного доллара не потратил на себя. Так, менял потихоньку. И покупал, покупал, покупал...

В Интернете, в Екатеринбурге, нашел магазин, там мне по оптовой цене пошили сотню горок – хорошо пошили, каче-

ственно. Там же я прикупил сотню ботинок ОМОН самых ходовых размеров.

Автоматные разгрузки – я брал белорусские. Они дешевле, чем бш112, а мне не до жиру – быть бы живу. Где мог – покупал бронежилеты и шлемы, и того и другого набралось чуть больше пятидесяти. Броники я покупал старые, несмотря на то что у меня самого новый, с керамическими плитами – для других целей хватит и обычного «антикалашникова» из девяностых годов – пусть он тяжелый, но «калаш» держит, а самое главное – стоит недорого. Мне же надо постоянно помнить, что ресурсы у меня ограничены, и на те деньги, которые стоит новый бронежилет, я смогу прикупить пяток старых. Отдельно плиты я тоже прикупал – тем более что стоили они совсем недорого...

Купил транспорт. Несколько «УАЗов», «буханок» и «козликов», подержанных. Все это я перегнал и спрятал в нужном месте, подремонтировал и законсервировал. Через Интернет скупал запасные магазины к автоматам – с автоматами запасных магазинов чаще всего не бывает, иногда и вовсе у тебя на руках оказывается автомат и один магазин – а от количества снаряженных и готовых к бою магазинов зависит огневая мощь бойца. Купил несколько прицелов «ПСО» и «ПУ 3,5» – самых простых, какие только нашел. Но – армейского стандарта.

Через оружейные магазины я покупал патроны. Пятерку и семерку, гражданские, самые дешевые. То есть – пять и

сорок пять и семь и шестьдесят два. Покупал сколько мог, чтобы ко мне не возникло подозрений, показывал членскую карточку IPSC, говорил, что покупаю оптом на всех. Мне верили. В «Метро» я купил такую штуку, называется «вакуумный упаковщик для продуктов», полупрофессиональный. Я брал по десятку пачек патронов и тех и других, запаивал в вакууме и прятал, закапывал в землю. Координаты нычки брал по GPS-навигатору. Так потихоньку деньги и уходили.

Остальное покупал по мелочи. Несколько туристических наборов. Дешевые фляги. Несколько навигаторов.

Короче говоря, я покупал все, что нужно, чтобы в нужный момент вооружить и обмундировать примерно под сотку бойцов, а если получится – то и больше. Чтобы, как только наступит час, у нас в городе появилось подразделение, готовое ко всему.

И даже не против власти. Потому что а где она, власть? Вот то, что сегодня произошло, это не захват власти? Я за Мишу не голосовал. И не проголосовал бы никогда. Думаю, что и другие бы не проголосовали, и Миша это отлично понимает. Его предел – процентов двадцать в лучшем случае. Но президентский пост – занял. Значит, виновен. Как виновны и те, кто его туда поставил. Со всеми разберемся.

Для себя я тоже кое-что купил, но на свои деньги, с этим я строго, наверное, чтобы не сглазить. Купил новый тканевый пакет (мягкая броня) на свой «Оспри» и кое-что из снаряги. Новый прицел на мою любимую «Сайгу-308» – она может

работать и как тяжелая штурмовая винтовка, и как городская снайперка. Еще кое-что на «Тикку» и на «Вепрь-15», о чем лучше говорить только шепотом. Ну, вы поняли, да? Пристрелял с этим.

В одном из тиров города у меня лежал «глок», спортивный. Думаю, пригодится на случай чего. Если начнется, то пистолет будет кстати. Хотя особо я с пистолетом не тренировался, работал с винтовкой и дробовиком. Не верю я в пистолеты...

Внес нужные записи, задумался. Интересно, сразу начнется или чуть погодя? Запас прочности у нас есть, конечно, но, думаю, что те, кто все это затеял, хотят результатов немедленно. Потому что дело плохо. В Европе – рецессия, и они никак не могут из нее выбраться. На Украине – ситуация стабильно тяжелая и, несмотря на все усилия, продолжает ухудшаться, что дискредитирует саму европейскую идею и тянет из ЕС деньги. Гремят взрывы, гибнут люди, разворачиваются деньги. В США – тоже не сказать чтобы хорошо, им жизненно важно решить хоть один конфликт из тех многих, в какие они ввязались. И не только решить, но и решить с прибылью для себя. Значит, они тоже будут настаивать на том, чтобы раздербанить Россию как можно быстрее. Как в свое время раздербанили СССР.

Оделся, повесил на пояс кобуру с «тэтэшником» – травматом, вышел в сгущающиеся летние сумерки...

Уральск – город уникальный, в том смысле, что тут есть

застройка, по качеству и размаху вполне соответствующая каким-нибудь восточноевропейским столицам, и есть уголки, которые похожи на СССР конца шестидесятых... они все еще остались, и до них можно было дойти за пять минут пешком. Я сам живу в таком уникальном районе, тут построены приличные многоэтажки, но пройти немного – и вот ты в сонном царстве. Двух, трех и четырехэтажные дома, каменные, но в которых на крышах еще видны дымоходы печей. Дворики с голой землей и старыми, брошенными машинами. Магазины, типично сельские, с крыльцом и двумя большими окнами по обе стороны, какие-то базы, которые принадлежат сейчас непонятно кому и торгуют неизвестно чем. Узкие проходы, проезды...

Старые, раскидистые деревья, а посмотришь вверх – вон, на холме – шестнадцатиэтажка сверкает стеклопакетами окон и еще строятся. Попадая в такие районы, проваливаешься во времени лет на шестьдесят-семьдесят...

Я дошел до нужного мне места – тут, на неогороженной площадке, стояли машины. Мои два «уазика», старый-престарый «Форд Эскорт» и не менее старый-престарый «Плимут», американский, бордовый, с наклейкой LA Connection – фирмой, которая продала его в Россию в лихие девяностые. Было темно, во дворе трехэтажки гудела компания – на меня они не обратили внимания и правильно сделали, я как-то раз поучил их вежливости. Я стукнул в дверь, она открылась, меня осветили фонариком. За спиной мастера я заметил ста-

рый шестисотый «мерс», тоже родом из девяностых...

– Прут здесь?

– Ага. Зайдешь?

– Подожду.

Через какое-то время, вытирая руки ветошью, выбрался Прут. Механик от бога, старые машины чинит только так. Мне «мерс» мой шаманит, с этого и началась наша дружба.

– Здорово.

– Привет...

С Прутом я знаком давно, познакомились тогда, когда я искал сервис для своего «мерса». Фирменного от «Мерседеса» у нас в городе нет – да и не нужен мне фирменный, машина-то старая. Вот, познакомился по наводке с Прутом. «Плимут», кстати, это его, он его за копейки купил и называет «плинтус». Но почему-то почти на нем не ездит. Этаким сапожник без сапог.

– Посидим?

– Ага, давай.

Про меня Прут знает, но далеко не все. Он знает мои взгляды и убеждения, знает, что я купил две машины. Но про запасы – не знает. Считает меня простым выживальщиком, который сам за себя. И правильно считает. Мне тоже не надо – чтобы по секрету всему свету.

Залезли в «Плимут»... машинка американская, а места тут немного, совсем не по-американски. Впрочем, она и сама по себе небольшая...

– Про Москву слышал? – спросил я.

– Болтали че-то по радио.

– Думаю, скоро уже. Ты с пацанами поговорил?

– Поговорил.

– И?

– Конкретно настроены шестнадцать. Еще одиннадцать – ни да ни нет.

В сервис – а он хороший и недорогой – часто приезжали чиниться таксисты. А таксисты – народ конкретный. Каста в основном – ушлые мужики, конкретные, палец дашь – всю руку отхватят. Как зарабатывать – знают, все на машинах, мобильные, случ чего – в любое место подскочат. Я в свое время поговорил с Прутом, а Прут уже начал обрабатывать таксеров...

– Хорошо. Сколько у тебя розовых?

– Две пока.

Розовые – это разрешения на покупку одной единицы нарезного оружия. На гладкое – они такого... изумрудного цвета, зеленые...

Я отсчитал пять тысяч. Рублей.

– Иди, получи еще три. Сразу на все. Как получишь, я тебе дам денег. Купишь...

Про себя подумал, что надо взять два «Вепря» и «Тигр». «Вепри» – под 7,62 и 5,45, конверсионные автоматы. У меня у самого есть и один, и другой. Особенно хорош 5,45, мне его выбирали на заводе – он новый совсем, с какого-то

длительного хранения. Семьдесят девятый год, самое начало производства, тогда халтуры, какая есть сейчас, и близко не было, а стволы алмазом нарезали – глубоко и по-честному. «Тигр» – конверсионный вариант «СВД»... нет, лучше «Вепрь» взять. «Вепрь-123» в калибре 7,62 × 54 с тяжелым стволом, считай, та же снайперская винтовка. Менее подзрительно, чем если три ствола разом взять и все три – явно боевые образцы. И, кроме того, «Вепрь» лучше по качеству, там качество ровное, а у «Тигров» оно скачет. У меня был «Тигр» до того, как я «Сако» купил, он отобранный, выбивал где-то тридцать пять-тридцать семь на сто метров серией по пять. Но это уникальная, отобранная и доработанная машина. А так – в магазинах попадаются и такие, у которых кучность больше сотки на той же дистанции... до ста пятидесяти доходит... 5МОН для снайперской винтовки – это даже не смешно.

– Ты не выяснял потихоньку, у кого чего есть?

– При случае – выяснял, конечно. Разрешения есть у пятерых, это только то, что спросил.

Отлично...

– А чего... – спросил Прут, – думаешь, будет? Мне Бельский нравится. Молодой... и вроде как за нас.

– А за нас – это как, Вова? – я спросил Прута, назвав его по имени.

– Говорил, что русских щемят, это неправильно. На митингах выступал.

– На митингах – это хорошо. Только ты пойми одну вещь – важно не то, что человек на митинге говорит, на митинге я и сам глотку могу драть. Но не хочу. А вот я про него другое знаю. То он за каких-то белоленточных пикетирует, а потом объясняет, почему он вынужден так поступить. Это как называется? Это называется «лицемерие», Прут. И показывает, что человек гнилой изнутри. Всем понравиться хочет. Это – первое. А вот тебе второе – задачка для ума. Где этот Бельский работал? И кем? Ну?

– А фиг его знает.

– Вот и смотри. Ты – работаешь. Я – работаю. У всех у нас есть заработанные деньги. И рабочее время. Конечно, мы все левачим время от времени, но по жизни мы работаем. Так вот – где работал Бельский? Не знаешь? А я проверял. Через Интернет, конечно, но проверял. Так вот – последние пять лет он не работал нигде. При этом жил в Москве, имел машину, квартиру, у жены тоже машина – так откуда бабло? Пять лет – срок немалый.

Прут не нашел что ответить.

– Вот то-то и оно. Профессиональный революционер. И задумайся – ты бы стал просто так человеку бабки платить из месяца в месяц? Нет. Если только этот человек тебе не нужен. А зачем он тебе нужен? И как он будет отрабатывать это бабло? Каким местом? А?

Возвращаясь, я подумал о том, что не сказал Пруту. Про-

сто он не поймет. Так далеко он не заглядывает.

Опасность Бельского еще и в том, что у него образ националиста. И при этом он свой среди интеллигенции, что как минимум подозрительно, потому что, кроме него, нет никого из известных националистов, которые были бы приняты в круг интеллигенции. Значит, он либо не настоящий националист, либо не настоящий интеллигент. Либо и то и другое разом. Несколько лет назад связка интеллигентов и националистов опрокинула Украину. У нас – я это чувствую – если дать Бельскому развернуться, будет все то же самое. Снесут. Причем снесут Россию именно под лозунгами защиты русских. Эту опасность надо понимать и признавать.

Как снесли Украину? Выделились сами, и ментально, и политически, и нашли в своей стране внутреннего врага – Донбасс. Ситуация эта несколько лет зрела, но потом все-таки разрешилась гражданской войной. У нас есть свой «Донбасс» – это Кавказ. Почти калыка – один в один. Внутренний враг, не такие, кавказские гопники, ЛКН – лица кавказской национальности, теперь и исламисты. Конфликт между Кавказом и всей остальной Россией тлеет уже лет тридцать как минимум! Как в Украине донбасским квартиры не сдают – так у нас не сдают кавказцам. А там ведь разные люди есть, и это надо понимать. Я сам националист – но мой национализм выражается в том, что я люблю Россию и русских. И не хочу сознательно устроить бойню и бросить на нее свой народ.

А вот Бельский – как интеллигент – чувствую, хочет.

Своеобразная у него любовь к народу, как и у всех интеллигентов. Такая, которая позволяет бросить людей в топку войны просто ради торжества своих влажных фантазий и несбыточных мечтаний.

И слить Россию могут по тому же сценарию, что слили Украину. Первым дестабилизируют Кавказ – сознательно дестабилизируют, изнутри. Потом – сознательно сольют все попытки мирного урегулирования и устроят КТО, или АТО, или чего там еще. Пообещают помочь – и ни хрена не помогут. По тихой – помогут другой стороне. На Кавказ ринутся джихадисты со всего Ближнего Востока, и кое-кто этому очень поспособствует. Война – на сей раз не в Чечне, а со всем Кавказом – затянет нас в воронку, как АТО затянула в воронку Украину, – и начнут отделяться уже другие национальные республики вне Кавказа. А зачем им давать деньги на войну, посылать туда на смерть своих детей и вообще подчиняться все более безумному Кремлю? А потом, почуяв кровь, на нас бросится шакалье – украинцы, грузины, прибалты... может быть, и поляки с румынами. И будут рвать...

Да... хватит кормить Кавказ. Лозунг, на котором Бельский и иже с ним могут выехать в Москве, заручиться поддержкой. А потом он нас убьет.

Дай Бог, чтобы я ошибался.

Уральск, Россия

13 мая 2017 года

Приняли меня, в общем-то, буднично. Как только вышел из подъезда – так и приняли. Без маски-шоу...

Вот тебе и Сергей Васильевич Горин...

Привезли меня не в республиканское МВД, в центре, а в одно из районных, на окраине. Окраина, в общем, это еще поискать надо такую окраину. Тут лет двадцать назад граница города проходила – больница, несколько общаг, заводские корпуса, глубокий овраг. Это все по одну сторону дороги, по другую – пяти и девятиэтажки, частью – хрущевки, частью – более свежие «ленинградки», кирпич. А теперь тут несколько торговых центров и застройка – свежая, несколько жилых комплексов возвели – по шестнадцать, по двадцать этажей. И следом – провели улицу и начали ее застраивать. Так что это еще вопрос – окраина или...

Провели через дежурку, там, в коридоре, старая такая скамья стоит – массивная, советских еще времен, крашенная столько раз, что краска составляет значительную часть веса этой скамьи. Посадили, пристегнули наручником. Бить не били – сейчас везде камеры стоят, все записывается, за избивание задержанного можно реально из органов вылететь – это я знаю, у меня однокашник в органах работает...

Сижу. Жду. Пару алкоголиков мимо провели – этих сразу в обезьянник, на ногах не стоят. Даже отсюда слышится нудный и резкий фальцет какой-то старушки, которая, как я понял, жаловалась на соседа.

Жесть...

Что касается меня... то я чел хитрый, ломом подпоясанный, и вменить мне что-то вряд ли возможно. Дело в том, что и бронежилеты, и форма – совершенно законный товар, который я могу хранить совершенно свободно и в любом количестве. И у меня нет никакого оружия, кроме легального и официально зарегистрированного. И патроны, которые я покупаю, – они все законные, покупаются на законно хранимое мной оружие. И прицелы, если их найдут, никто не мешает мне хранить хоть сколько прицелов. И патроны – законом не лимитировано, какое количество патронов я могу хранить.

А самое главное – есть у меня козырь. Я вполне официально зарегистрировал на себя юридическое лицо, с кодами по ОКВЭД на оптовую и розничную торговлю, сдаю нулевую отчетность и даже заказал делать интернет-сайт. Так что весь мой запас бронежилетов и формы имеет и другое объяснение: создаю интернет-магазин и собираюсь торговать всем этим. Все, чем я располагаю, еще раз подчеркиваю, – полностью законно. Почему до сих пор не открыл? Ну, там, не урегулировал кое-какие вопросы. С логистикой, например. В любом случае есть правдоподобное объяснение, и дальше – я как бы могу и не объяснять. Как я люблю повторять –

быть дураком не противозаконно...

Сидим... ждем...

Есть ли у меня претензии к Горину? Да нет, никаких нет. Каждый крутится как может. Только вот... противно все это. Даже не противно – а противненько. Вот – точное слово. Противненько. Человек кажется таким пузырем... мыльным... красивым, большим, разноцветным, переливающимся. А потом – ткнешь пальцем, и нет ничего, только руки в чем-то липком и противном. Вот так и тут.

Не верь. Не бойся. Не проси.

В дежурку прошли менты – несколько человек, с дежурства, прошли тяжело, шумно. Один недоуменно покосился на меня – на обычного клиента полиции я не был похож, трезвый и прилично одет. Таких можно было увидеть в ОБЭПе, как у нас говорят – в «бизнес-центре „Байкал“», потому что именно там квартирует ныне ОБЭП – но не здесь.

Наконец, спустились и по мою душу.

– Поднимайся, пошли.

В этом РОВД я был двадцать шесть лет назад...

Тогда произошла совершенно идиотская история. У нас был гараж... тогда у многих были гаражи за городом, никто не понимал самого идиотизма ситуации – держать машину в нескольких километрах от дома. И когда убрали снег, то снегом выдавило воротину. Получилось так, что можно просунуть руку и открыть гараж изнутри. Так кто-то и сделал –

внутри стоял новенький, даже без номеров мотоцикл. Был и сплыл. Тогда-то я и побывал здесь. Пытались меня раскрутить на то, что это я угнал мотоцикл, разбил и где-то бросил. Ну, чтобы уголовное дело не возбуждать, сами понимаете. Висяки никому не нужны.

С тех пор, конечно, многое изменилось – и я поумнел, и милиция стала полицией, и вон – вместо печатных машинок – «Крафтвеи»⁵, вместо ситчика на окнах – жалюзи. Суть только не изменилась.

– Фамилия, имя, отчество...

Привычно заполняем протокол допроса – не раз делал это на Ленина. Или объяснения... наверное, объяснения, раз у меня нет ни адвоката, ни постановления о признании меня подозреваемым. Интересно, а дело есть?

– Работаете?

– Частный предприниматель.

– С какого года?

– С две тысячи четвертого.

Частный предприниматель – удобная конструкция, поскольку позволяет заниматься всем чем угодно. Насколько я знаю, во многих странах Запада такого понятия – «частный предприниматель» – нет, надо открывать юридическое лицо. А еще говорят, что у нас препятствия для бизнеса...

⁵ Законом запрещалось для спецслужб покупать компьютеры с импортными комплектующими, а «Крафтвей» единственный производил технику на российских же процессорах.

– Чем занимаетесь?

– В смысле?

– Что предпринимаете?

– Консультации.

Тоже очень общее понятие. Понимай как хочешь.

– На протяжении длительного времени вы заказываете военное оборудование и снаряжение. Вы это подтверждаете?

– Я заказываю военную форму, бронежилеты и разгрузки. Обувь.

– То есть подтверждаете?

– Я дал ответ.

– Хорошо. С какой целью вы заказываете военную форму, бронежилеты и разгрузки?

– С целью перепродажи.

– Перепродажи кому?

– Покупателям. По Интернету.

– Поясните.

– Я собираюсь открыть электронный магазин и торговать амуницией.

– Уже открыли?

– Нет, готовлюсь.

– Но закупаете уже сейчас.

– Да.

– Почему?

– Цены растут. Деньги обесцениваются. Инфляция.

Дознаватель нервно колотил по клавишам.

– Вы являетесь владельцем гражданского оружия?

– Да.

– Какого именно?

– Три гладкого, шесть нарезного, один по коллекционной лицензии. Три газовых пистолета, два – ограниченного поражения.

– Зачем вам столько оружия?

– Имею право.

– Это не ответ.

– Почему? Ответ.

Дознаватель вбил ответ.

– Вы покупаете патроны?

– Да.

– С какими целями?

– Чтобы стрелять.

Следователь посмотрел что-то в своем планшете.

– За этот год вы закупили почти две тысячи только винтовочных патронов.

– У меня две винтовки.

– И вы из них стреляете?

– Да.

– То есть вы сделали две тысячи выстрелов из своих винтовок?

– Я член Конфедерации практической стрельбы. Если хочешь побеждать в матчах, надо много стрелять. Две тысячи – столько можно расстрелять за день интенсивной трениров-

ки.

– Я вам не верю.

– Ну... возможно, я немного приукрасил. Но семьсот-восемьсот за день – реально.

– А автоматные боеприпасы. Вы их тоже покупаете?

– Да.

– И тоже стреляете?

– Да. Это запрещено?

Дознаватель повертел ручку в пальцах. Это один из тех вопросов, которые больше всего не любят менты. «Это запрещено?»

– В отношении вас есть информация.

– Какая?

– Я не могу раскрывать. Но вы должны понимать какая.

– Я ничего не должен.

Молчание. Молчаливая дуэль взглядов. Он понимает, что меня не так-то просто расколоть – наверное, ознакомился с моим делом. И понимает, что если что-то пойдет не так – руководство его не прикроет, сделает крайним. Вот, кстати, в этом – а не в каких-то мифических законах, которые надо принять и все будет зашибись, – и заключается одна из проблем полиции и корень ее беззубости. Ни один сотрудник не сомневается в том, что руководство, случись чего, не только не будет его прикрывать, но и сделает его крайним, обвинит во всех грехах. А должно быть совсем не так – за сотрудников отвечает руководство.

– У нас есть данные, что вы входите в группу, которая создана с целью поддержки незаконных вооруженных формирований.

– Каких именно?

– Новороссии.

Это с каких это пор ополченцы Новороссии стали незаконным вооруженным формированием? Постыдился бы. С тех пор как Бельский у власти? Уже успели зафиксировать прогиб?

Козлы.

– Это не так.

– В таком случае зачем вы покупаете столько патронов?

– Для тренировок.

Следователь достал несколько фотокарточек.

– Вам знакомы эти люди?

Я посмотрел. Ну, в общем...

– Да.

– При каких обстоятельствах вы познакомились?

– На стрельбище.

– То есть они тоже стрелки?

– Члены IPSC, – поправил я.

Ох, и корежит же нашу родную российскую полицию сам тот факт, что есть люди с оружием и что они – простые граждане, им неподконтрольные. Просто крышу срывает. Если бы наше общество было безоружным, если бы по примеру той же Великобритании запретили все и вся – был бы тут празд-

ник. И это при том, что инцидентов с гражданским оружием у нас намного меньше, чем в тех же США.

Вспоминается высказывание одного деятеля. Обычный человек не может владеть оружием, потому что владение им не отвечает интересам государства. Как-то так... по памяти привожу. Знаете, чьи слова? Генрих Гиммлер!

Они бы запретили. Пролоббировали бы все и вся... как они еще в начале девяностых вернули со второго на первое чтение законопроект, предусматривавший гражданский короткоствол. Это было тогда, когда Дума отнюдь не была послушной – и все-таки вернули, доказали, пролоббировали. Вот только они же держат оружейную торговлю, там полно отставных ментов. И потому им приходится извиваться... придумали ОООП – огнестрельное оружие ограниченного поражения, резиноплюи. И продают его нам – по цене неплохого ствола в Штатах. Балансируют между жадностью и страхом.

Козлы.

– Члены IPSC...

– Они стреляют с вами...

– На том же стрельбище.

– Вы можете называть их друзьями?

– В какой-то мере.

– То есть?

– Детей я с ними крестить не буду.

– Они также помогают Новороссии?

Придурок.

– Я ничего не знаю о Новороссии.

– Вы встречались с ними за пределами стрельбища?

– Да.

– С какими целями?

– Попить пиво. Половить рыбу.

– Что вас с ними связывает? – дознаватель явно злился.

– Пиво. И рыба. Еще стрельбище.

В дверь постучали.

– Не сейчас!

Придурки... вот же придурки. Надо было меня в прокуратуру везти. Игра на уровне провинциального театра.

Без стука зашел Горин. Огляделся...

– Догадался?

Я пожал плечами.

– А чего ж нет? Дознаватель – а вопросы задает как прокурорский следак. Я все-таки ментовские порядки знаю.

– Ну, извини. Это – Сергей. Сергей – Александр.

Криво усмехнулись друг другу.

– Обнимитесь, – потребовал Горин, – так у нас принято...

Обнялись. От мента пахло дешевым одеколоном... честный, видно, взятки не берет. Никогда не забуду, как сидел в кабинете подполковника, замначальника ОБЭПа. И чем от него пахло.

– Дальше что? – спросил я.

– Я отзвоню.

Пригород Уральска, Россия

20 мая 2017 года

С того идиотизма, как меня приняли, прошла неделя. С того момента, как, заскрипев, начало проворачиваться колесо русской истории, – времени прошло больше.

За это время худшие мои предположения начали сбываться и оправдываться. Из Европы, из США – в больших количествах начали возвращаться эмигранты по политическим мотивам. Об этом я узнавал по Интернету, по новостной ленте. Каждое возвращение такого вот «невозвращенца» пиарилось как возвращение как минимум Солженицына. Хотя Нобелевскую премию за время скитаний никто из них не получил.

Вернулась скандально известная светская львица, дочь не менее известного человека, считающегося одним из отцов демократии. Так – милая девушка, если бы не несколько случаев, когда она выражалась на публике нецензурно, – так и вообще все хорошо было бы. Никто ее особо не преследовал, просто она решила уехать и какое-то время жила в Европе. А вот сейчас почему-то решила вернуться...

Вернулся человек, претендующий на звание «отца российской демократии», – притом что на эту должность были и другие претенденты. Он публично отказался от идеи бал-

лотироваться на высший государственный пост России, едва ступил на русскую землю, – возможно, потому что за его плечами было десять лет отсидки. Но все понимали, что вернулся он не просто так и на какие-то роли претендовать будет. Главный вопрос, которым задавалась вся столичная политтусовка, – сколько у этого человека денег? Предполагалось, что немало – все-таки он в свое время считался самым богатым человеком России, и не может быть, чтобы у него конфисковали все. Вернувшись, этот человек провел в Москве несколько встреч и тут же вылетел в Киев. Что само по себе показательно...

Вернулся еще один человек, некогда владелец одного из крупнейших медиахолдингов страны. Он уже пытался вернуться и даже купил телекомпанию в Украине – но поссорился со своим партнером по бизнесу по причине того, что дорого продавал контент собственной компании – навыки воровства у выходцев из девяностых были в крови, они готовы были обворовать сами себя – просто из любви к искусству. На третий день после того, как этот человек вернулся в Россию, на него произошло покушение. Он остался жив – но счел за необходимость снова уехать в безопасную Европу.

Это были только знаковые возвращения – а сколько было незнаковых. Они прилетали, шумно здоровались, начинали писать, шуметь, гудеть... и весь этот гул в Интернете, в прессе не вызывал ничего, кроме головной боли. Некоторые выспренно называли это «глотком свежего воздуха свободы» –

но у меня это вызывало ассоциации с засорившимся унитазом и хлынувшими через край фекальными водами.

Помните, фильм был такой – «Черный квадрат». «Это не говно, Сашенька. Это фекальные воды...»

Что касается меня – то у меня уже все было в валюте – частью доллары, частью евро, частью – британские фунты. И не спешите меня осуждать. Все это деньги мои, не ворованные, и терять их я не собираюсь. Вот так вот.

Рано утром я погрузил в машину комплект снаряги, оружие, боеприпасы и тронул из города...

Пострелять у нас в Уральске можно в нескольких местах, вопрос в цене. Несомненным лидером в вопросе цены является музейный комплекс имени М. Т. Калашникова – там, в подвале, есть тир, цена одного выстрела больше тысячи рублей. В противоположной ценовой нише – многочисленные карьеры, куда выезжают «на бабахинг». Это вообще-то противозаконно, но... Не знаю почему – но в Аризоне действует такое правило: стрелять можно в любом месте штата, только как минимум за полторы мили от любого жилья и принимая разумные меры предосторожности. А у нас семнадцать миллионов квадратных километров, и пострелять негде. Лучше всего тем, кто член IPSC – для членов стрельбище бесплатно, но я ехал в другое место – в воинскую часть, расположенную по той же дороге, что и стрельбище IPSC. Крайний раз я там был, когда нас вывозили на стрельбы... еще давным-дав-

но. Стрельбище там было хорошим, но всего до трехсот метров...

На подъезде я отзвонил Горину и сообщил о своем прибытии. Тот встретил меня на КПП, его машину, видимо, знали – мою даже досматривать не стали, пустили так...

В воинской части все осталось так же, как и тогда. Деревянные навесы, справа – что-то вроде сторожки для руководителя стрельб. Мишенная обстановка – неподвижные мишени на пятьдесят, на сто и на двести и подвижные – на триста и триста пятьдесят. Кстати, на триста метров по подвижным тут отрабатывают снайперы, это «снайпингом» считается. На сотке метров стоит корпус вросшего по оси в землю старого БТР. Сосны вокруг, массивный земляной вал – помню, подняли красный флаг, нас пустили на стрельбище типа мишени проверить. Ох, много мы там цветного металла-то набрали. Кто-то даже хвастался, что целые патроны нашел. Хотя, скорее всего, вранье...

Теперь – проще, все стоит каких-то денег. У навеса стоят машины, ни одной дешевле тридцатки на вид нет. Одна знакомая – вон тот «Дискавери».

Ага... а вон и он...

– Ленар! Ага, старый черт... где пропадал?

– Братан...

Ленар – местный татарин. Тут есть такое место – Татар-базар. Это место, где селятся татары... вообще, сам город, который до революции не имел статуса города, а был «заво-

дом», начинался на землях, которые казна купила у местного татарского мурзы. На берегу пруда построили железнорудный и оружейный заводы, от них и начал разрастаться город. А татары продолжали тут жить, и их слобода постепенно стала районом города под названием «Татар-базар», в основном тут малоэтажная застройка. С татарами всегда жили мирно, никаких проблем не было – у них там мечеть своя была, в ней молились – центральную снесли при советской власти. Потом – когда восстановили снесенный главный христианский храм города – татары обратились с просьбой разрешить им восстановить и свою мечеть на прежнем месте; разрешение дали, и мечеть восстановили, и никто свиные головы на месте строительства не закапывал. Татары здесь были двуязычными с детства, свободно владели и русским, и татарским. От татар в республике пошли некоторые особенности – например, на праздники многие заказывают не торт, а мясной пирог, одним из любимых является чак-чак – медовое лакомство, что-то вроде кукурузных палочек в меду. От Ленара я знал, что казанские пытались в свое время мутить воду, и пацаны с Татар-базара, сами татары, ходили на вокзал с цепями и палками встречать казанскую электричку. Сам Ленар начинал водителем, но быстро взял в лизинг китайский грузовик, потом еще два и посадил родственников – а теперь у него было восемь, по-моему, и не китайских, и ездил он на представительском «БМВ» за сотню тысяч долларов...

А вот что касается оружия – это я ему в свое время посоветовал купить...

Остальных я не знал, но по виду мне понравилось. Не неонацистская шпана, не отморозки, не отставное бесштанное офицерье – мужики. Солидные мужики. Я бы сказал – кулаки. Мой прадед был кулаком, имел лесные угодья и лесом на Нижегородской бирже торговал. И если кто и остановит падение России в пропасть – то вот такие вот кулаки. Те, кому есть что терять и у кого в руках оружие.

Почему именно кулаки? Объясню. В девяносто первом в СССР сколько было товарищей офицеров? Больше миллиона, наверное. И что? Хоть кто-то что-то сделал? Да ничего! Хоть и присягу давали. А хотите, скажу, почему всем так пофиг было? А потому что никто ничего ЛИЧНО на тот момент не терял. Даже вся та московская чиновная братия, она тоже ничего не теряла – она вся автоматически пересела из союзных кресел в российские, благо до 1991 года у России кресел не было совсем никаких, и после падения Союза они как раз и понадобились. Да, потом, при гайдаровской реформе и чубайсовской приватизации, потеряли. Все и много. Но уже – поздно было.

И народ – на что он купился? А на речи он купился! На речи, на сладкие речи и обещания, на мечты о каком-то лучшем и более справедливом будущем. То есть на пустышку, фуфло. И так могли купиться только голоштаные. Кому терять нечего. А вот тому же Ленару, у которого грузовики и

в Татарстане, и в Курганской области работают, – от развала много есть чего терять. И мне есть чего. И остальным, судя по всему, тоже есть чего.

И вот когда ты понимаешь, что тебе есть что терять и потеряешь ты много, – вот тогда тебя на эксперименты не тянет. А руки – сами к глотке экспериментаторов тянутся...

И если мы не выдюжим – ничего не поможет. Ничего.

– Как сам?

– Работаем потихоньку.

– С банками проблем нет? А то могу помочь.

– Да пока нет.

– Ну, пошли, постреляем...

Постреляли. Народ – богатый, у одного аж «FN SCAR 17»⁶, я так в жизни бы не стал шиковать. Конечно, стреляли с места, это не IPSC, судить трудно – но субъективно я не ниже второго места, что радует. Оттуда через весь город рванули на дачу, закрепить знакомство. Дача оказалась аж на Каме, то есть – километров пятьдесят из города. Исходя из чего я сделал «обнадеживающий» вывод: если стороны друг друга не устроят, то мне светит утонуть при купании. Хотя не знаю... стволы-то все при мне, и я в тайнике еще несколько снаряженных магазинов припрятал, на случ чего. Помните,

⁶ Автор видел продажи в гражданском полуавтоматическом варианте примерно за 300 тысяч рублей – это летом 2014 года, с долларом по 30 с чем-то. Это в пятнадцать раз дороже «Сайги-308». Стоит ли оно того? Каждый решает сам.

стишок такой был:

Тут в разговор вмешался пьяный еж...
И никуда ты не пойдешь!

Это про зайца и льва, весь не привожу, ибо нецензурно. Но что-то у нас вся жизнь стала – нецензурной...

Дача была хороша – я даже знал, чья она. Строил один депутат тире владелец строительной компании. Потом строительная компания лопнула, он еще пытался как-то барахтаться, но одно дело – недоплатить государству, и совсем другое – недоплатить поставщикам стройматериалов. Они не государство, за свои деньги спрашивают конкретно. Я знаю, потому что отдыхал тут не раз, приезжал – строителям мои услуги часто требуются. Как попала эта дача к ее нынешнему хозяину – не знаю. Может, за долги...

Крутой склон, к нему лепится уступами дача. Ландшафтный дизайн сделан, лестница – спуск к воде мрамором отделана. У воды – все по высшему разряду: мостки, дом для переодевания и отдыха, с выходом оттуда прямо в воду, большой ангар – там катер и два гидроцикла. Отдельно выстроена баня с предбанником и бассейном, от нее – отдельный же выход к воде. Вообще, сам дом небольшой, метров двести там всего, – а вот рядом с ним понастроено и в ландшафтный дизайн вложено... до черта.

Был шашлык. Пошли в баню... может, просто попарить-

ся, а может, чтобы подслушки не было, в бане ни один жу-чок не выдержит. Попарились... попрыгали в Каму, потом – вернулись, еще попарились. Потом – сели в зале, там стол – человек на двадцать, вениками пахнет. А отделан – вы не поверите – настоящим кедром...

– Саня... – сказал Горин, постучав пустой кружкой по столу, – интересным человеком оказался. Тихушником, но человеком интересным. И испытание он прошел без вопросов.

Молчат. Смотрят. Как минимум у двоих – следы серьезных пулевых ранений. Еще двое – явно сводили татуировки...

– Сейчас вопрос в том, берем ли мы его в компанию. Правила вы знаете, каждый дает ответ сам. Но перед тем, как вы вопрос дадите, вам надо познакомиться поближе. Конечно, за день такие вопросы не решаются... но времени лишнего нет, сами знаете. Потому – если есть вопросы, задавайте...

– Служил где и когда? – спросил один из тех, кого я не знал. Из девяти собравшихся я лично знал троих, не считая Горина, Ленара и двоих, с которыми сталкивался по бизнесу.

– Следующий вопрос.

– То есть? – отреагировал Горин.

– То и есть, – сказал я, – мое прошлое – это мое прошлое. Что смогли пробить – то пробили. Что не смогли – я вам карты открывать не собираюсь. Если не смогли пробить – вам этого знать и не надо. Прошлое – оно и есть прошлое,

так?

Молчат. За спиной стена, так что если что...

– Вопрос в том, можем ли мы тебе доверять, – сказал Ленар, желая разрядить ситуацию.

– Ленар, мы с тобой с какого года знакомы?

– С первого... кажется.

– Считай, почти шестнадцать лет. Кто я такой по жизни – ты знаешь. Чем занимаюсь – тоже. Как к кидалову отношусь – знаешь. Болтливость... если бы я болтал, то уже сидел бы. Если у вас тут что-то типа масонской ложи – то я пойду, пожалуйста.

– Да ты не кипятись, – сказал Горин, – в конце концов, сам ко мне подошел, тебя никто не звал...

– Не звал, – подтвердил я, – но душу наизнанку я выворачивать не собираюсь, исподним трясти – тоже. К вам я подошел, потому что знал – вы на Донбасс и снарягу отправляли, и людей, и даже оружие. Времена настают такие, что один в поле не воин. Если я ошибся – то лучше на этом и закончим, пока все далеко не зашло. За пиво благодарю, сколько стоит – отдам.

– А как себе времена видишь? – спросил Горин.

– Какие времена?

– Нынешние. Они тебя устраивают?

– Нет. Меня много чего в жизни не устраивает. Но вопрос в другом. В стране произошел ползучий государственный переворот. Можно сколько угодно триндеть про национальное

согласие и все такое, но лично для меня это все – слова, и не более того. Во главе страны человек, которого никто не выбирал, – раз. И не выбрал бы никогда – два. Третье – Запад чуть до мяса ладоши не сбил – это три. Я может, в чем-то и туплю, но рассуждаю так: мы никогда друзьями не были и не будем. Если они так рады, значит, их выгода! А не наша! Четыре – скоро начнется дербан. Дербан всего – должностей, лакомых кусков, возможно, страны. Просто потому, что прошло двадцать с лихуем лет, и мы нажили слишком много, зажирили. Вон много ли лет прошло с тех пор, как каждую осень стояли на шести сотках пятой точкой кверху и копали картошку? А жили на участке – в дощатом скворечнике, если еще он был. Хотите, скажу, как у меня было? На участке – только раскорчеванном – нет ни хрена. Все эти кочевряги спихнули в один угол – и начали раскапывать остальное. По целине. До участка – три километра пешкарусом от автобуса. Принесем с города пожрать, воды в полторашках – кипяченой. Расстелем куртку, поедем. Потом – опять за лопату. И от работы, от службы – никто никого не освобождал тогда. Только от зарплаты, которую по полгода не платили. А в армии из офицерских столовых домой носили пожрать – если в офицерских столовых было. Давно ли было, спрашиваю? А теперь – среднему классу предлагают загородные домики по два-три ляма в ипотеку. И до этого дома они добираются на иномарке, пусть не пойми какой – но иномарке.

Я оглядел собравшихся.

– Чесать языком можно много. Можно долго распрямляться насчет того, что оскотинились там, вещизм и тому подобное. Только те, кто так говорит, – сами, мягко говоря, не бедствуют. И вот – начинается передел. По кому он ударит? Как показывает опыт Украины, по всем. Украину до костей обглодали – но там и мяса-то было с гулькин... А вот у нас – мяса много. И я четко вижу, что нас пытаются отправить на скотобойню.

Я не за бабки, не подумайте. По крайней мере, не за свои. Меня просто бесит такая ерунда, что как только Россия начинает жить относительно нормально – ее гонят на бойню. Посмотрите. Семнадцатый год. Пипец полный. При Сталине отстроились – а про него можно много говорить, – но то, что отстроились, факт, – и чуть только отстроились – сорок первый. После такой войны – сколько надо восстанавливать? И чего говорить, о каком благосостоянии идет речь, если полстраны – в руинах. Хорошо, отстроились. И только отстроились – девяносто первый. Развалили страну, взяли дешево, на справедливость. Хорошо, все девяностые кое-как пережили, в нулевые отстроились, отъелись – и что, опять? Опять на бойню?! Те же рожи, те же стоны, те же прогоны? А если меня не устраивает? А если я не хочу? Не хочу ни национального согласия, ни примирения, ни покаяния, ни расследования убийства Немцова, ни расследований, кто сколько стырил? О'кей, сыздил, было дело. Только вот почему-то при вашем правлении люди на огородах раком стояли, а при правлении

партии жуликов и воров отдыхали как белые люди, в своих домах. Не все, конечно. Но и не единицы. И иномарки – не единичные, и дома загородные тоже не единичные. Это все в реале. А вы что обещаете? Гражданское общество? А не пошли бы вы на...! Снятие санкций Западом? А вот вы сначала снимите, а мы посмотрим. Расследование Евроманежки? А мне плевать на Евроманежку, ясно?

Горин с непроницаемым видом слушал. Остальные смотрели кто нейтрально, кто одобрительно.

– ...и такой, как я, не один. Подозреваю даже, что большинство. Только нас слушать не желают. Просто где-то там наверху порешали, и надо жить по-другому. Я не хочу по-другому? А тебя никто не спрашивает. Так вот – спросят! Придется спросить. Я на бойню не пойду и смотреть, как на нее страну тащат, больше не буду! Одна у нас она! Общая! И твоя, и твоя, и твоя, и твоя. И моя – тоже. Другой нам никто не даст! Опустят ниже плинтуса и оберут до нитки. Один раз уже отсиделись – все в курсе, что вышло. В этот раз – если придется кого в землю закопать, – рука не дрогнет. В одиночку не хочу, но если нам не по пути – тогда извиняйте. А если по пути – тогда вот вам моя рука. Вот и все...

Все молчали.

– Куркуль... – наконец сказал Горин.

– Ага. Дедовское это у меня. И прадедовское. Только знаете что. И дед, и прадед – страну не про...ли. И я вам вот что скажу. Каждому из нас сейчас есть что терять. Что было на

Украине – видели все. Было ваше – стало наше. Я сам русский и свой народ знаю. Менты козырнут и будут служить новым властям. Военные тоже... не надо кривиться, будут! В украинской армии сколько русских было – кто на нашу сторону перешел? Хоть один? А?

– Ну... были, – сказал Горин.

– Единицы. А большинство – по городам «Градами» фи-гачило, и ничего. Артиллеристы, Сталин дал приказ, твою мать. Одесса, блин... Чего там по интернетам говорили после второго мая – Одесса нехорошо молчит? Так она и до сих пор, блин... молчит. У кого совесть осталась – те на Донбасс служить уехали, но таких очень немного. А остальные так и молчат, три года уже молчат. В тряпочку. И это при том, что купить ствол, легальный, заметьте, и послать всех на хрен, что Беню, что Мишу, что еще кого – не проблема что там, что там. Но почему-то мало кто покупает – верно? А в городе лимон населения, вышибить всю эту бандеровскую сволоту можно на раз.

Тут – то же самое будет. Потому что это мы. Не факт, что плохие, просто мы – это мы. Про интелов говорить не буду – да? Их позиция известна с Перестройки. Работяги – я вас умоляю. Мы не сделали скандала – нам вождя не доставало. Вот и остается, что планируемая продрозверстка бьет по нам. Только по нам. Тем, у кого что-то есть. Тем, у кого есть что грабить. Нам есть что терять. Значит, нам и действовать надо. Некому больше.

– Что ты хочешь строить? – спросил Горин.

– В смысле?

– Ну... империю или СССР восстанавливать?

– Я не знаю, – честно ответил я, – да, по-моему, этот вопрос и не главный. Я в одной книжке читал – про успех. Если ты хочешь добиться успеха в делах – ты в первую очередь должен решить не то, что надо делать. А то, что надо перестать делать. И самое главное – то, что надо перестать делать немедленно. Так вот – мне кажется, первое, что надо перестать делать, – это реформировать. Нефиг ремонтировать то, что не сломалось. Мы с восемьдесят пятого года реформируем – одну страну потеряли, вот-вот вторую потеряем. Как говорят, ремонт нельзя закончить, его можно только остановить. Вот я и хочу остановить тех, кто подступил к нам с очередным ремонтом...

Не знаю, выступление мое понравилось или нет, – но я выговорился. Впервые за очень долгое время.

Вы это тоже слышали... можете судить, я не против. Я понимаю, что неpolitкорректно и во многом оскорбительно. Только вот... а что у вас есть в заглашнике на случай прихода пушистого северного зверька? У меня вот много чего есть, и не только для себя, но и для других людей. А у вас ничего, но вы осуждаете.

Ну-ну. Кто-то должен и осуждать.

– Сань...

Ленар сел рядом, в руке у него была бутылка пива без этикетки.

– Пиво?

– Ага, живое. Тут заводик есть.

– Чего – в Каму меня спихнешь?

– Чего?

– Ну... говорят, в КГБ, если кого-то надо было убрать, это поручали лучшему другу. Последняя проверка на вшивость.

– Ты охренел?

Мне вдруг стало стыдно:

– Ленар... извини, бабай.

– Нет, ты реально охренел.

– Не бери в голову. Не в твою сторону.

– Ага, не бери все в голову, бери все в рот.

Обиделся...

– Ленар... извини, дружище. Реально извини... навалилось тут. Проверка эта... нервы на взводе... видишь, что делается. И здесь, и в стране.

– Проехали... – буркнул Ленар, глотнул пива. Мы сидели и смотрели на Каму... летний закат на Каме дивно хорош. Кстати, мало кто знает, что при слиянии Волги и Камы водосброс Камы больше, чем Волги, и потому по правилам главная река страны должна бы называться Кама, а не Волга...

Кама недвижно лежала среди берегов, стремя свои воды вдаль, на юг. Одинокий водный лыжник выписывал кренделя на воде, водомеркой гоняясь за катером. В последнее вре-

мя на берегу Камы понастроили домиков и дач, и теперь в сгущающемся сумраке угольками светились огни окон и костров. С того берега доносилась музыка.

Я ведь не просто так это начал. Корни мои – в центре России, но вырос и живу я здесь. Эта земля мне такая же родная, как и русское Нечерноземье. И это – русская земля, в том нет никаких сомнений. Здесь жили и живут особенные люди, в чем-то крепче сибиряков. Татарин если рогом упрется – трактором не сдвинешь, но и русские тут немного другие. Здесь Урал. Край заводов. Сто лет назад тут такое творилось! Из моего родного города большевиков турнули так, что пыль пошла. Многих тут же и порешили. Посланный на умирение латыш Азиньш отсюда еле ноги унес. Колчак считал выходцев из моего родного города лучшими солдатами, они шли с ним до конца. В девяностые здесь тоже отличились, я это хорошо помню – среди урок город заслужил очень недобрую славу. Одного за одним замочили четверых воров в законе. Какое-то время смотрящего в городе не было вообще, потому что никто не хотел идти. Была тут у нас одна тачила... желтый «Лотус Эсприт»... экзотика! По дороге на Пермь взорвали вместе с хозяином. Веселые времена были...

Да и ожидаются не лучше.

– Ленар... Сам-то как?

– А как думаешь? – огрызнулся он.

Немного отойдя, заговорил:

– То, что ты сказал... не знаю, как остальные, но я за тебя, сто процентов. Про эти реформы – ты как из головы моей вынул.

– А чего? Может, будет Татарстан независимый, а?

– Шутишь? Мне, блин, эта независимость ни шла, ни ехала. У меня брат двоюродный в Казани, недавно звонит – сам офигевает. Местные бабай, говорит, собрали тайный сход и говорят: больше денег в Москву перечислять не будем, все налоги будем оставлять себе и заживем. Потому что на армию не будем тратить – вокруг Россия. Вот это – как?

Я скрипнул зубами.

– Умный.

– Ага, блин. Только он что-то не задумался о том, как людям работать. И он не один такой, самодуров хватает. Я недавно на отсыпку дороги на тендер появился. Там, у себя... Выиграл, все по-чесноку, явился. Там сидит такой кабан, в тюбетейке, говорит – десять процентов. Я ему такой – чего? Я конкурс выиграл! А он мне – десять процентов, или ни одного акта не подпишу, по судам пыль замучаешься глотать. Я ему – мы ж с тобой оба татары, ты чего? А он мне – какой ты татарин, ты по-русски говоришь, значит, русский выродок. Я не знаю, как сдержался, ему прямо в кабинете в морду не заехал... И вот этот вот кабан, который в жизни руками рубля не заработал, будет мне говорить, татарин я или нет?! Да мне на... это не нужно! В... мне это не сдалось! – Ленар помолчал и продолжил: – Сейчас он никто. Так, пыль. Мелкий

ворюга, боящийся свое кресло потерять и на нары приземлиться. А вот будет незалежность, – это слово, как и я, Ленар сказал на украинский манер, – будет незалежность, так он еще разгуляется. Тут не десять процентов будет, тут все пятьдесят. И знаешь, что самое хреновое, – за ним пойдут! Пойдут, блин. Я по своим мужикам сужу – из тридцатника больше половины пойдет. Двадцать пойдет, не меньше. Потому что против, но не знают, против чего. Охота начальству каку сделать. А что потом делать – тоже не знают, кроме как натворить делов и разойтись по домам...

– А что – намечается что-то?

– А сам как думаешь?

Да уж...

Уральск, Россия

30 мая 2017 года

Ждал всего. Жизнь сейчас такая, что никому доверять нельзя... никому совершенно, и пионерские костры в пятой точке давно отыграли. Но не произошло ничего...

У нас контора в центре города, приличное такое, в последние годы советской власти построенное здание. Утром – только припарковал машину, стоящий неподалеку «БМВ» взревел каким-то музыкальным клаксоном. Пригляделся, посмотрел номера – Ленар.

Надо по сторонам смотреть...

В машине играла музыка, легкая. На руках Ленара черные перчатки с отрезанными пальцами – но не стрелковые, водительские. Он – водила. И не просто водила – а мастер, у него отец водитель, он за руль лет с семи сел. Это я – как беременная каракатица ежжу, мне до Ленара – как до...

Понятно, в общем.

– Чего?

– Довожу до тебя решение общества...

Музыку он не глушил.

– Ты принят. Единогласно.

Я выдохнул.

– Принят – куда? Что там у вас – я так и не знаю.

– Куда-куда... – раздраженно сказал Ленар, – на кудыкину гору. Потом – сам поймешь. Значит, по правилам у нас каждый новичок принимается с испытательным сроком полгода, за ним закрепляется старший, который за него отвечает. Твой старший – я, и я за тебя отвечаю.

Не так плохо.

– Ясно. Еще чего?

– На выходные есть планы?

– Никаких.

– Подъезжай в субботу часов в шесть. Где я живу – знаешь.

– Знаю. Чего с собой брать?

– То же, что и в прошлый раз.

– Ясно. Буду.

– Тогда давай. Мне работать надо, тебе тоже.

– Ленар?

– А?

– А чего почитать дашь? Ну, устав там, литературу какую...

Ленар сказал несколько слов на татарском, как я подозреваю, не совсем пристойных...

– Какие на фиг книги? Какой устав? Нет у нас устава, просто смотри по сторонам и въезжай. И готовься. Ко всему, блин.

Информация к размышлению

Документ подлинный

...

И последнее. Дорогие россияне, [с тех пор, как я позволил Луне светить мне в спину (Шерлок Холмс)], с тех пор, как вы проглотили то, что ваши дети стали смотреть «Букиных» и т. п., вы должны ожидать, что и за вами придут. ИХ не остановят многочисленные провалы, ОНИ отряхнутся от любых неудач. Но как бульдог, вцепившийся в горло Белого Клыка, ОНИ будут методично, пользуясь любой возможностью, передвигаться к артерии. ОНИ будут прощупывать ваши рефлексy, ОНИ будут незаметно навязывать вам новые. У нас долгое время «три тушки» совершенно позорно и безответно волали «Вставай, Україно!». Над ними не стебался только ленивый. А зря. Это просто была маскировка (как сейчас вас успокаивает отсутствие массовой реакции на убийство Немцова). Реально и неожиданно для многих сработали рефлексy, отработанные:

- 1) на трагедии с Оксаной Макар в 2012 году (за полтора года до Майдана);
- 2) уже на новом витке – вradiевское дело;

и когда случилась «подстава» с «избиением младенцев» 29 ноября 2013 года, рефлекс сработал у сотен тысяч.

Тут надо заметить, что непоправимое случилось не тогда, когда 1 декабря 2013 года «воодушевленные» толпы прошли по Киеву. Знакомые, ходившие еще при Союзе на первомайские и ноябрьские демонстрации, описывали свои ощущения похоже. Мир раскололся на темную и светлую стороны, когда эти люди не захотели знать, что ими воспользовались несколько десятков радикалов для захвата административных зданий (помните – КМДА и Дом профсоюзов захватили патриоты, а под Администрацией Президента не вышло, хоть Найденом прискакал туда заранее, потому что там действовали, по словам Порошенко, титущки). Когда «мирні кияни» не захотели осудить садизм в прямом эфире в отношении оцепления, которое «парализовали» кадрами «избиения детей» и которым была запрещена активная защита, ведь это было так приятно и привычно – обвинять «кровавый „Беркут“», хоть он и простоял три месяца со связанными крыльями, «не замечать» чего могли себе позволить только те, над чьими рефлексамися хорошо поработали. И можете не сомневаться, дорогие россияне, над вашими рефлексамися работают. Да, вам повезло, начали не с вас. Поэтому к подобным примитивным методикам, сработавшим в Украине, у вас – иммунитет. Кроме того, вас не поймать на зависти и жадности, это не те ваши черты, за которые может зацепиться «козлоногий». Глеб Жеглов говорил о трех головах

дракона – хитрости (трусости), жадности и предательстве. И что если одна прикусит человека, то две другие доедят его дотла. Я бы проапгрейдил перечень голов. Но полезнее будет, если это сделают сами россияне. Просто знайте, что если у вас есть недостойные черты характера, ими воспользуются, на них сыграют. И пусть уровень этой игры будет выше того, на который, к великому стыду, повелись мои соотечественники, ОНИ также будут играть на ваших недостатках, чувствах и рефлексах. При этом выбирается уровень достаточного покрытия, за умными фразами не гонятся, действуя по принципу «чем проще – тем надежнее и правдоподобнее». Хотя обязателен элемент «комплимента». В 2004-м хомячки повелись на интернет-атаку, когда основная масса еще черпала информацию из телевизора. Оказалось достаточным внедрить единственный 5-й канал Порошенко, способный «вратькакtimoшенко», чтобы отмыться от грязи было невозможно. Дальше, после порога перколяции, все работает автоматически. Как будут действовать в России, пока не знаю (а когда узнаю – поздно будет). Но то, что убийство Немцова – это еще не «Оксана Макар», но уже «Георгий Гонгадзе», я чувствую. Только после вашей «Врадиевки» пути назад не будет. Вы и сами не заметите, как ваши рефлексy начнут работать против вас.

Это может выглядеть чисто гипотетически как: «Человечество гибнет без доступа к ресурсам, что это за первобытное-животное „столбление“ границ? Мы все – жители плане-

ты Земля, ее недра принадлежат всем нам по праву рождения на этой планете! Малочисленные россияне недостойно удерживают контроль над огромной территорией и ресурсами! Человечество переросло эти феодальные пережитки. В условиях мирового кризиса, чтобы не случилась глобальная катастрофа, необходимо оптимизировать распределение ресурсов». Вот только людям, которые придут внедрять «мировую справедливость», в обычной жизни вы бы и тапочки стеречь не доверили. Мы в Украине уже убедились в этом воочию (причем два раза, в 2004-м и 2014-м, но выводов не сделали).

Люди, будьте бдительны!

http://blog.polemika.com.ua/blog/_3167.html

Уральск – Москва, Россия

Июнь 2017 года

Политика...

Слово, которое у нас не произносится без матерного подтекста.

Политика – это мерзость. Политика – это грязь. Политика – это серийный кидняк народа. Политика – это взятки, все политики – это взяточники. Политика – это бессмысленная говорильня и кривляние в телевизоре. Политика – это реформы, которые задумываются к лучшему, а получаются как всегда. Реформы, которые никогда не заканчиваются, как плохо продуманный ремонт в квартире. Политика – это...

Ну что – закошмарил я вас?

И вы, наверное, даже со всем согласны, верно?

На самом деле политика – это мы. Мы имеем ровно тех политиков, которых заслужили и которых соглашаемся терпеть. И да, задам вам один вопрос: если все честные люди держатся от политики подальше, то откуда же тогда в политике возьмется честность?

Политика начинается с самого низа. Задам вам вопрос: вы ведь, наверное, в многоквартирном доме живете? Давно были на собрании жильцов? О чем там говорили? Что решили

и как исполнили? И с каким чувством вы туда шли? Наверное, как на каторгу? И вообще, как у вас проходят собрания жильцов и многие ли на них ходят?

Ну а откуда же тогда у нас взяться нормальной политике? Ведь политика – оформление совместных действий в масштабах целой страны, она отражение общества, а мы не только в целом в обществе, мы в отдельно взятом подъезде договориться не можем. Или еще один эксперимент: поручите кому-то в подъезде собирать деньги на капитальный ремонт. И возьмите за обязанность эти деньги сдавать каждый месяц. И посмотрите – сколько человек не будет сдавать. Как вы будете выбивать с них эти деньги? И не украдет ли у вас их тот, кому вы поручите их хранить?

Вот вам и политика.

На Западе политика совсем другая. Налоги не работодатель за вас перечисляет, а вы сами в конце года должны их подсчитать, взять и ручками государству отнести. В американских городах шерифа избирают точно так же, как и мэра, он нанимает себе помощников за счет местного сбора, который вводит местное самоуправление, – иногда шерифа оплачивают богатые жители города, иногда все вместе. А если денег мало – то жители города могут помочь офису шерифа: во многих офисах шерифа часть должностей занимается бесплатно работающими помощниками, которые работают ради того, чтобы в городе был порядок. И вот тогда, заплатив реальные, живые деньги, американцы с полным пра-

вом требуют от шерифа порядка в своем городе или графстве.

Точно так же часть школ в США – муниципальные. То есть они содержатся за счет налогов, которые взимает муниципалитет, и от того, сколько ты платишь, зависит то, какие учителя и в каком здании будут учить твоего сына. Конечно, есть самые разные школы – есть, например, те, которые содержатся за счет духовных миссий, там образование бесплатное. Но большая часть – именно муниципальные школы.

Почитайте один из последних романов Ли Чайлда – «Джек Ричер, или 61 час». Там мимоходом рассказывается про то, что нам не понять: как муниципальный округ боролся за то, чтобы именно у них разместили тюрьму. Понимаете – не мэр боролся, а все они боролись, вся община, все люди. За свое будущее, за рабочие места, за поступления в бюджет.

В Европе примеры бывают разные, но есть пример... возьмем Норвегию. Там вся территория страны поделена между местными общинами. И каждая община распоряжается теми налогами, которые платит на ее территории бизнес. Даже нефтяные скважины – и те располагаются на территории общин, и нефтяные компании платят прежде всего общинам.

А мы? Мы вообще очень любим требовать, нам вечно кто-то должен. И особенно любим требовать от государства. А вопрос – когда мы платили налоги? И какие?

Ах, от налогов мы уклонились. Или даже не знаем, когда их платили, – за нас работодатель их перечислил? Но от го-

сударства мы продолжаем требовать. И то и это, и можно без хлеба. И ничего не заплатив.

Супер!

И еще мы обожаем жаловаться. И просто на лавочке, и вообще. Я знаю человека – он открыл бизнес в селе, и сельяне пожаловались на него за то, что он затапливает их огороды сточными водами. Причем их подбили пожаловаться конкуренты, заслав активиста, который кого уговорил, кому сунул тысячу. И то, что этот человек создал пятьдесят рабочих мест, – на это всем наплевать, потому что рабочие места – они с неба должны сыпаться, потому что у нас социальное государство, а тысяча – вот она. Зелененькая.

Нет, я не обеляю себя. Я тоже грешен. Хотя бы потому, что в политику идти не хочу, принципиально. Чтобы еще раз не обманываться в людях. Но я, по крайней мере, ничего не требую, если не заплатил за это.

Ладно, хорош уже нравоучений, верно?

Наверное, вы меня спросите, а в какую партию вступить? В какую партию вступил бы лично я? Отвечаю – ни в какую. В партию не надо вступать. Партию надо создавать. Или партийное отделение – так будет умнее...

На сей раз я летел в Москву прямо из Уральска, прямые рейсы есть, правда, с большими проблемами. Дело в том, что у нас и аэропорт и авиакомпания оказались в руках одного собственника – то есть государства. И аэропорт оказался закрыт для всех сторонних авиакомпаний, а авиапарк оказал-

ся самым старым среди всех российских авиакомпаний. И цена на билеты... сами понимаете. Можно летать из Перми, можно – из Бегишева, это в Татарии, и многие летают оттуда, потому что самолеты лучше, а билеты дешевле, иногда – в разы. Хотели купить новые самолеты в лизинг – но так и не купили. А мне – некогда было ехать до Бегишева и пришлось лететь на «Як-42». Впечатления от полета...

Сами понимаете...

Из аэропорта поехал аэроэкспрессом. В поезде говорили об Украине, о Беларуси, о Екатеринбурге, о...

Да о многом говорили, благо было о чем поговорить. Раньше – ехали молча или говорили о делах, о семье. Теперь – по-другому. Не знаю, хорошо ли это...

В офисе Национально-демократической партии России меня сначала принял один из региональных организаторов, потом отвел выше – до начальника управления по работе с регионами. Ющук Константин Борисович его звали.

Давайте по порядку.

Добрался до места я нормально – распечатал карту из «Гугла», да и заблудиться было непросто – нацдемы целое здание снимали, как я выяснил в Интернете, до них тут банк площади снимал, да обанкротился. Современное офисное здание, причем с охраной. Закрытая и хорошо охраняемая автомобильная стоянка, на ней – около пятидесяти автомобилей. Средняя ценовая категория – в среднем дешевле, чем

у крупного банка, но откровенных тазиков⁷ – нет. В помещениях сделан евроремонт, я даже в туалет попросился, чтобы посмотреть, – туалет тоже отлично сделан, и чистый, никаких курилок. Понятно, что офис представительский, но все же...

Юшук принял меня радушно, вышел из-за стола. Приказал принести кофе, провел в уголок для неформальных встреч – кресла, журнальный столик...

– Вы бизнесмен? – спросил он первым делом.

– Начинаящий.

– И как я понимаю, вы представляете группу лиц?

– Да.

– В основном из бизнес-среды?

– Да.

Красивая девушка в мини принесла нам кофе. Расставляя чашки, словно ненароком прижалась к моему плечу. Это, интересно, что? Приработок, или договоренность с руководством, или просто шэбэ, как сейчас говорят?

Ладно, проверим...

Потом.

– Это хорошо... – сказал Юшук.

Я молча ждал.

– В Уральске у нас отделения нет, то есть вы его и можете создать. Сами понимаете, регион у вас маленький, поэтому в федеральный список нашей партии вы не попадете...

⁷ Сленговое название автомобилей отечественного производства.

по крайней мере сразу, дальше – будем смотреть по результатам. Но региональный вы вполне можете сформировать и пройти в местный парламент... как он у вас называется?

– Госсовет.

– Интересно... как в Дагестане.

– У нас долгие демократические традиции.

– Да-да... А как там вообще у вас с политикой, расскажите?

Я пожал плечами.

– Во многом выжженная земля. У нас больше двадцати лет был один и тот же глава республики. Сначала фрондировал, цеплялся с федеральным центром, даже Конституционный суд разбирался в соответствии наших законов федеральным. Потом – присмирел. Но сейчас... сами понимаете, разброс и шатание. У нас очень жесткое противостояние между столицей и всей остальной республикой. На всех выборах получалось так, что Зайцев проигрывал Уральск, но набирал под семьдесят процентов в провинции и за счет этого проходил. То есть – сами понимаете...

– Да, интересно. Какие партии еще существуют?

– Коммунисты – ничего особенного, они просто существуют и по инерции набирают сколько-то. Справедливороссы – то же самое. Довольно активны ЛДПР, но их активность – это местная заслуга, у нас активное местное отделение, тоже из бизнеса. В остальном...

– Интересно... – Юшук что-то пометил себе в блокноте, –

а чем обусловлено такое жесткое противостояние столицы и остальной республики?

– Политикой в основном. Зайцев ничего не сделал для столицы как промышленного центра и все девяностые конфликтовал с ее мэром. В то же время он очень активно поддерживал сельское хозяйство, понимая, что именно там его будут поддерживать раз за разом на выборах. Строил больницы, детские сады, бассейны, школы. Была такая практика – проводились различные конкурсы в районах – по надоям, например. Победитель мог выбирать, какой объект ему построят в селе, что нужно – школа, детсад, еще что-то. У нас очень необычная республика. Положительный прирост населения с увеличением доли русских в общей численности населения. Республика национальная, но русских – больше половины. В общем, можно сказать, оплот русского влияния на Урале и в Поволжье – притом что республика, повторяю, национальная. И не забывайте – Уральск до сих пор был и остается мощнейшим промышленным центром Урала и Поволжья и, что еще важнее, крупнейший центр по производству стрелковки в России. Два завода по производству стрелкового оружия – первый и второй по мощности в России. Это если не считать частной сборки Китая – они тоже на неплохие объемы выходят. Получается, три. Мощное производство снаряжения всех типов. И уже два патронных завода...

Немного отходят от темы – это-то меня и беспокоило.

В случае любой заварухи у соседей с сепаратизмом, или ваххабизмом, или еще чем – мы просто не сможем остаться в стороне, отсидеться. Такой кусок промышленности, как в Уральске, лакомый и вдобавок – такое мощное производство стрелкового оружия. Только тем, что есть на складах, можно сразу вооружить дивизию. И это если не считать, что в соседнем, тоже нашем городе – производство межконтинентальных баллистических ракет «Тополь» и «Ярс». А в другом соседнем и тоже нашем – производство ядерного топлива, топливных сборок. Единственное.

И при этом – сомнительная национальная ситуация – национальная республика, а русских полно, больше половины населения. Зачем тогда вообще говорить о национальной республике? По инерции?

Нет... мимо не пролетит. Жаль... но не пролетит.

– Понятно. А народ что думает?

– Народ что думает? Да про курс доллара и что пожрать. Задолбало, если честно уже. И народ, и лично меня.

– Вы нашу программу читали?

– Читал...

– Что вам больше всего понравилось? Почему вы выбрали нас?

Интересный вопрос.

– Делового много. Не дельного, а именно делового. Плюс патриотизм – хотя этим сейчас грешат почти все.

– Грешат?

– Говорить о патриотизме, но ничего не делать – это грешить.

Юшук задумался.

– Два момента. Первый – наш главный спонсор и, можно сказать, идеолог партии – Святослав Леонидович Баринов. Его состояние «Форбсом» оценивается в полтора миллиарда долларов, на самом деле оно намного больше, но дело не в этом. Я... скажем так, допущен во внутренний круг партии и говорить обо всем не могу, но кое-что вы знать и понимать должны. Идет грызня за власть. В зависимости от результатов этой грызни Баринов – и не только Баринов, но и мы все – либо не потеряем, либо потеряем. Заметьте, речь не идет о том, чтобы заработать или где-то отжать чужое. Речь идет о том, чтобы не потерять... Ни для кого не секрет, что в мире есть большое количество свободных денег. И гораздо меньше возможностей для их вложения. Возможности вложить их в реальный, действующий и приносящий доход бизнес. Вы знакомы с биржевой торговлей?

– Да.

– Тогда вам должно быть известно, что соотношение P/E ⁸

⁸ Price/Earnings, важнейший показатель успешности бизнеса и важнейший показатель для биржевых игроков, показывающий соотношение цены 100% акций компании к генерируемой ей прибыли, то есть он, грубо говоря, показывает, за сколько лет компания может вернуть акционерам их деньги, потраченные на покупку акций этих компаний за счет ее прибыли. Соотношение P/E в России необычайно низкое, оно ниже, чем у любой другой страны БРИКС, и показывает целый комплекс проблем, начиная от демонизации России в глазах инвесторов и заканчивая неразвитостью нормального корпоративного управления в России.

в России лучшее среди всех стран БРИКС, а со странами Западной Европы и США – оно часто отличается на порядки. В США считается нормальным вкладывать деньги в компанию с Р/Е, равным двадцати-тридцати, а в случае с интернет-бизнесом это число доходит до ста. В то же время у нас гранды рынка, ликвидные фишки порой торгуются с коэффициентом 2–3. Но еще важнее то, что в России есть огромное количество прибыльных, приносящих доход бизнесов, которые не имеют публичной оценки и не выставлены на биржу. Это Эльдorado двадцать первого века. Дестабилизировать ситуацию в стране, поставить прозападное и готовое открыть страну для ее скупки иностранными инвесторами, потом прийти с долларами и евро, напечатанными вчера на Монетном дворе, и скупить все реально приносящие прибыль активы. Кто не будет продавать – у тех отобрать. Такое уже было однажды – в начале девяностых, но тогда был детский сад по сравнению с тем, что будет теперь. Тогда не было Интернета и ушедшей в Интернет биржевой торговли, не было перевода денег за доли секунды в любую страну мира, наконец, не было таких активов, какие есть сейчас в России. Мы не так мало сделали за последние четверть века, мы немало вложили в себя, и сейчас у нас есть активы как на сырьевке, так и в потребе, за которые любой иностранный инвестор продаст родную мать. Есть развитая банковская система, которая кредитует реальный сектор, а не спекуляции, и у которой уровень просрочки все еще много ниже, чем на Запа-

де. Отобратить это все – мечта как минимум последних десяти лет. У кого отберут подобру, кто не будет отдавать – отберут по закону. Вам известно, что произошло в Польше?

– Нет.

– После того как они вступили в ЕС, у них оказался десяток долларовых миллиардеров, которые могли не только закрыть польскую экономику, но и посостязаться за активы в более развитых странах. С каждым из них поговорили. Пан такой-то, вот распечатки с суммами денег, которые вы год от года выводили за рубеж, вот номера счетов, вот списки вашей недвижимости. Одно из двух – либо вы отдаете свои активы и большую часть денег, соглашаетесь на реприватизацию. Тогда мы вам оставим сколько-то, чтобы и вы, и ваши дети, и ваши внуки не испытывали нужды. Либо пойдите под суд, и тогда мы отберем все и вас посадят в тюрьму. Кстати, а вы в курсе, что по такого рода делам презумпции невиновности не существует? Как? Ну, у нас такие правила в ЕС. Вот то же самое будет у нас. Если мы это не остановим и не позволим разграбить страну. Перефразируя одного известного политика, суверенная демократия – это не самая лучшая система власти, но это лучшее, что у нас есть.

Небольшой вам совет. Не стройте далеко идущих планов. Сначала попробуйте пройти в районные советы в каких-нибудь районах – это нужно сделать всем, хоть какая-то депутатская корочка должна быть у каждого из вас. Лишней не будет, да и посмотрите, как делаются дела. Дальше выставь-

те кого-то из вас, кто пофотогеничнее и язык хорошо подвешен, в этот ваш Госсовет – тоже в сельской местности. Потом организуйте своих – друзья, друзья друзей, работники – все берут откреп⁹

⁹ Открепительные удостоверения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.